This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

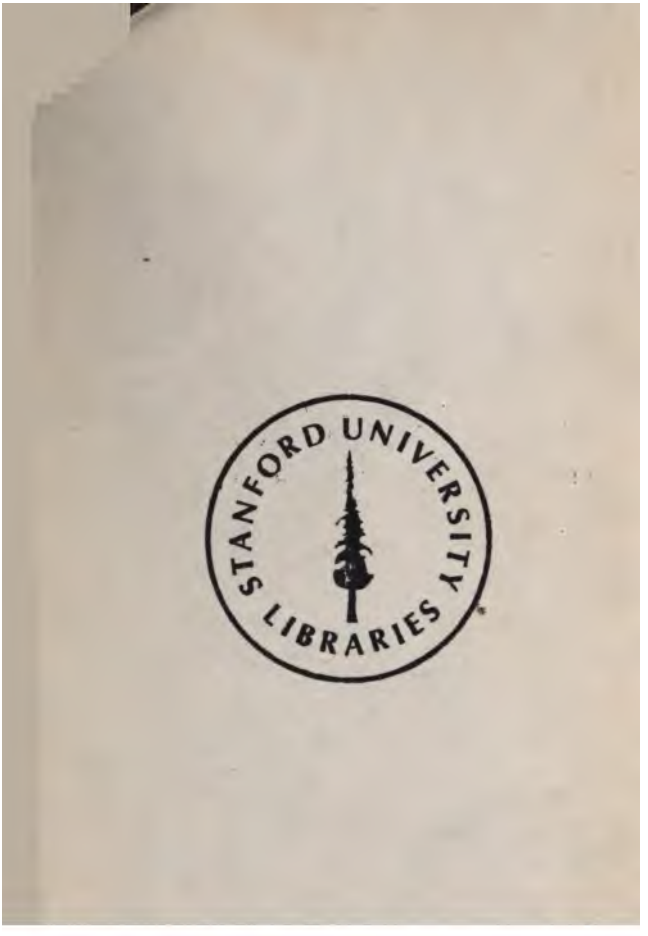
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

DK
254
D42D4

STANFORD
LIBRARIES


STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Debogorii-Mokrievich.

ДЕВОГОРІЙ-МОКРІЕВИЧЪ

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
подъ редакціей
С. М. Проппера.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе и типографія С. М. Проппера, Галерная ул., № 40.
1907.

DK254
D42 D4

I.

Дѣтство. — Немировская гимназія. — Каменецъ-Подольская гимназія. — Кіевскій университетъ. — Мечты объ американской коммунѣ. — Кіевскіе «чайковцы».— Первая поѣздка за границу. — Путешествіе на Сенъ-Готардъ. — Среди землекоповъ. — Инцидентъ съ швейцарскою полиціею. — Поѣздка въ Локарно. — Бакунинъ и его притонъ. — Возвращеніе въ Россію.

Владиміръ Карповичъ Дебогорій-Мокріевичъ, сынъ землевладѣльца Подольской губерніи, отставного полковника, родился въ 1848 году, въ принадлежавшемъ его отцу небольшомъ имѣніи «Лукѣ-Барской». Низенькій, ветхій домъ, подъ соломенною крышею, передъ крыльцомъ палисадникъ, обнесенный плетнемъ, съ двумя каштановыми деревьями и старой вишней, большой дворъ со старыми плакучими вербами у воротъ, высокимъ тополемъ и колодцемъ въ одномъ изъ угловъ, у котораго по вечерамъ собирались «дѣвчата» съ ведрами, огромный садъ кругомъ, гробовой лѣсъ по близости,—вотъ обстановка, среди которой провелъ дѣтство будущій революціонеръ.

Въ длинные зимніе вечера онъ съ братомъ забирался на кухню, гдѣ сидѣли по угламъ въ ожиданіи «вечери» работники, гдѣ разсказывались страшныя исторіи о разбойникахъ или мертвецахъ. На десятомъ году жизни Владиміра Дебогорій-Мокріевича опредѣлили въ первый классъ

немировской гимназіи, основанной польскимъ магнатомъ, гр. Потоцкимъ, въ маленькомъ городѣ Подольской губерніи. Нравы въ гимназіи были довольно первобытные, патріархальные, учителя или дрались съ учениками, или ругали ихъ «свиными рылами». Впрочемъ, вскорѣ послѣ поступленія Мокріевича въ гимназію послѣдовала реформа Пирогова, и нравы нѣсколько улучшились, но не надолго.

Польское возстаніе отразилось гибельно на судьбѣ Немирова и немировской гимназіи. Началось «обрусеніе» края, и городокъ сталъ быстро приходить въ упадокъ. Къ этой общей причинѣ присоединилась еще своя причина — мѣстная. Графъ Потоцкій выдалъ замужъ свою пріемную дочь за гр. Строганова и далъ ей въ приданое Немировъ съ окрестными селами. Строгановъ сильно поднялъ арендную плату за землю, на которой были построены домики мѣстныхъ жителей. Цѣны на дома сразу сильно пали, жители стали выселяться, и бойкій городокъ постепенно превратился въ какую-то темную дыру, никому не нужную, ни для кого не интересную. Директоромъ гимназіи былъ назначенъ Сорокинъ, инспекторомъ — Кривоносовъ, типичные чиновники-«обрусители», заведшіе систему шпіонства и поднявшіе гоненія противъ учениковъ.

Нѣчто подобное происходило и въ каменецъ-подольской гимназіи, гдѣ дошло до того, что одинъ ученикъ побилъ инспектора Францена. Вскорѣ послѣ этого,—какъ разсказываетъ Мокріевичъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—въ ихъ классъ вскочилъ взбалмошный, бѣсноватый человѣкъ, который принялся ходить большими шагами по классу и кричать, что онъ никоимъ образомъ не потерпитъ такихъ безобразій, какъ случилось въ Каменецъ-Подольскѣ, что самъ императоръ ввѣрилъ ему надзоръ за учебнымъ окру-

гомъ, что онъ считаетъ своей священной обязанностью принять всѣ мѣры къ обузданію строптивыхъ и т. д. Оказалось, что пріѣхалъ на ревизію попечитель кіевскаго учебнаго округа. Витте, повторившій свою грозную рѣчь во всѣхъ классахъ.

Порядки въ немировской гимназіи стали до такой степени несносны, что Мокріевичъ рѣшилъ перемѣститься въ Каменецъ-Подольскъ, куда еще раньше перевелись два его брата, въ надеждѣ, что тамъ дышется вольнѣе, но эти надежды не оправдались. И тамъ происходили «обрусенія» преслѣдованія, очистка гимназіи отъ неблагонамѣренныхъ элементовъ. Въ допироговское время учителя дрались и ругались, но не подслушивали, не занимались доносами; въ періодъ же «обрусенія» гимназіи превратились въ полицейскіе участки, учителя не дрались, но чуть-что — исключали изъ гимназіи.

Послѣ исторіи съ инспекторомъ Франценомъ изъ каменецъ-подольской гимназіи было исключено 60 человѣкъ, и для окончательной очистки ея отъ неблагонадежныхъ элементовъ туда были присланы директоръ Коленко и инспекторъ Тулубъ. Съ послѣднимъ вышло столкновеніе у одного изъ Дебогорій-Мокріевичей, Ивана, который и былъ исключенъ изъ гимназіи наканунѣ полученія аттестата зрѣлости. Въ дѣло вмѣшался даже губернаторъ и отправилъ молодого человѣка на мѣсто жительства въ сопровожденіи жандармовъ.

Владиміръ Дебогорій-Мокріевичъ все-таки окончилъ курсъ и получилъ аттестатъ зрѣлости, съ которымъ отправился въ кіевскій университетъ. Періодъ 1866 — 68 гг. былъ тяжелымъ періодомъ въ жизни этого университета. Студенты-поляки, участвовавшіе въ движеніи начала шестидесятыхъ годовъ, были разосланы, кто въ

Сибирь, кто въ другія, болѣе или менѣе отдале
ныя мѣста Россіи, украинофилы тоже успѣ
оставить университетъ, и среди студенчеств
если не считать шахматистовъ, бильярдистовъ
т. д., не было совершенно кружковъ.

Дебогорій-Мокріевичъ сначала жилъ, какъ бол
шинство студентовъ. Днемъ посѣщалъ лекці
по вечерамъ ходилъ по трактирамъ, изрѣд
игралъ на бильярдѣ, такъ какъ денегъ у него бы
ло немного, но зато смотрѣлъ, какъ играют
другіе, часто просиживалъ вечера за шахматам
На каникулы онъ уѣзжалъ въ «Луку-Барскую
гдѣ бродилъ по полямъ съ ружьемъ, косилъ сѣ
и мечталъ о развитіи физической силы. По веч
рамъ его братъ Иванъ читалъ вслухъ. Отправл
ясь въ Каменецъ-Подольскъ, онъ надѣвалъ м
лорусскую сорочку, высокіе сапоги, очки, и в
такомъ же костюмѣ прогуливался мимо окон
директора гимназіи.

Осенью 1868 г. въ университетѣ св. Владим
ра началось нѣкоторое оживленіе. Были устро
ны касса взаимопомощи и кухмистерская. Касс
вая организація состояла изъ кружковъ, предст
вители которыхъ собирались въ извѣстное вр
мя для выдачи пособій своимъ нуждающим
членамъ. Дѣла кухмистерской вѣдались общим
ссбраніями. Вслѣдъ за кухмистерской возник
и библіотека, помѣщавшаяся въ скромной комн
тѣ на окраинѣ города. Впрочемъ, книгъ въ не
было мало.

Подъ вліяніемъ Тургеневскаго Базарова
Рахметова Чернышевскаго, Дебогорій-Мокрі
вичъ выработалъ себѣ своеобразное соціалист
ческое міровоззрѣніе. Непосредственное знако
ство съ крестьянскимъ бытомъ и его нуждами
бесѣды съ членами студенческихъ кружков
устранили противорѣчія и упростили его мір
воззрѣніе. Вмѣстѣ съ братомъ Иваномъ онъ м

чталъ о томъ, чтобы отправиться въ Америку, устроить тамъ образцовую земледѣльческую коммуну и, сдѣлавшись американскимъ гражданиномъ, пріѣзжать въ Россію и пропагандировать здѣсь свои идеи. Они мечтали покрыть земледѣльческими коммунами чуть не весь міръ и были увѣрены, что подобная пропаганда будетъ имѣть особый успѣхъ среди русскаго народа.

Братья Мокріевичи отправились въ Кіевъ съ намѣреніемъ вербовать членовъ въ свою коммуну, но студенческіе кружки относились къ ихъ проекту довольно скептически, и пропаганда не имѣла среди нихъ особеннаго успѣха. Владиміръ Деборогій-Мокріевичъ пересталъ слѣдить за университетскими лекціями, такъ какъ сдѣлался членомъ нѣсколькихъ литературныхъ кружковъ и все время тратилъ на пропаганду своихъ идей, посѣщая чуть-ли не ежедневно всякія собранія. Съ точки зрѣнія его теоріи, никто не имѣлъ права жить умственнымъ трудомъ и долженъ былъ зарабатывать свое пропитаніе физическимъ трудомъ, а потому пріобрѣтеніе диплома онъ считалъ лишнимъ и даже вреднымъ, и уволился изъ университета. Къ этому времени въ Кіевѣ среди университетской молодежи существовало много кружковъ, возникали всякаго рода мастерскія, прачешныя, сапожныя, швейныя, организованныя на кооперативныхъ началахъ. Принимая участіе въ дѣятельности ассоціацій, Мокріевичи натолкнулись на кружокъ, занимавшійся распространеніемъ среди молодежи книгъ соціалистическаго характера и находившійся въ сношеніяхъ съ «чайковцами».

Въ этомъ кружкѣ Владиміръ Дебогорій-Мокріевичъ довершилъ свое соціалистическое образованіе. Онъ читалъ политическую экономію и «Объ утилитаризмѣ» Милля, «Положеніе рабочаго класса въ Россіи» Флеровскаго, «Историче-

скія письма» Лаврова, но особенное вліяніе на его развитіе имѣлъ Лассаль, изъ котораго онъ заимствовалъ аргументы въ защиту своихъ народническихъ воззрѣній. «Американскій кружокъ» Мокріевичей разросся постепенно до 20 человѣкъ, но мало-по-малу мечты относительно устройства земледѣльческихъ коммунъ отошли на задній планъ и были вытѣснены планомъ революціонной пропаганды среди народа. Впрочемъ, три члена кружка: Иванъ Рѣчицкій, Георгій Мачтетъ и Романовскій, все же отправились въ Америку въ качествѣ ходоковъ, но они должны были вскорѣ возвратиться, такъ какъ у членовъ кружка не было желанія выселяться, и самъ кружокъ мало-по-малу разстроился. Рѣчицкій впослѣдствіи застрѣлился во время ареста въ Самарской губерніи, Мачтетъ отсталъ отъ движенія и получилъ извѣстность въ качествѣ беллетриста, Романовскій былъ случайно убитъ въ Америкѣ.

Оставивъ проектъ устройства земледѣльческой коммуны, Владиміръ Дебогорій-Мокріевичъ рѣшилъ все-таки покинуть Россію, уѣхать куда-нибудь въ Западную Европу, сдѣлаться рабочимъ и принять участіе въ организаціи «Интернаціонала». Онъ отправился въ Одессу, гдѣ нѣсколько мѣсяцевъ изучалъ сапожное ремесло, и весною 1873 года, получивъ заграничный паспортъ, уѣхалъ въ Швейцарію. Въ Цюрихѣ онъ принялъ дѣятельное участіе въ жизни тамошняго русскаго студенчества. Тихій швейцарскій городъ совершенно преобразился: всюду слышалась русская рѣчь, кварталы возлѣ политехникума были населены, по преимуществу, русскими. Въ Цюрихѣ были организованы двѣ русскія библіотеки, двѣ вольныя русскія типографіи, былъ купленъ за восемьдесятъ тысячъ франковъ домъ, въ которомъ была устроена столовая, происходили собранія, читались рефераты и лекціи. Послѣднія чи-

талъ Лавровъ. Къ этому времени «Интернаціоналъ» распался на два враждебныя лагеря: соціалъ-демократовъ, иначе «государственниковъ», и «анархистовъ», «антигосударственниковъ». Русскіе стояли преимущественно за анархію, но и они были раздѣлены на два враждебныхъ лагеря: «лавристовъ» и «бакунистовъ». Первые стояли за подготовительную пропаганду соціалистическихъ идей въ народѣ, вторые—за немедленное всенародное возстаніе.

Къ пріѣзду Мокріевича въ Цюрихъ отношенія между «бакунистами» и «лавристами» крайне обострились. Изъ-за библіотеки между ними возгорѣлась такая борьба, что, наконецъ, стало небезопаснымъ выходить изъ дому безъ оружія. Мокріевичъ пашелъ въ Цюрихѣ нѣсколькихъ кіевлянъ, товарищей по «американской коммунѣ»: Судзиловскаго, Допецкаго и Ходько. Первые два раздѣляли вполнѣ программу Мокріевича, желали сдѣлаться рабочими и присоединиться къ «Интернаціоналу». Ходько смѣялся надъ ихъ планами и предсказывалъ, что они скоро разочаруются и возвратятся въ Россію.

Тѣмъ не менѣе Донецкій, Мокріевичъ и Судзиловскій рѣшили произвести опытъ и въ одинъ прекрасный день отправились къ Сенъ-Готарду, гдѣ въ это время строился тоннель и прокладывалась желѣзная дорога. Они добрались по желѣзной дорогѣ до Люцерна, откуда поѣхали по Фирвальдштетскому озеру на пароходѣ и, добравшись до Фюлэна, двинулись далѣе пѣшкомъ, по направленію къ Сенъ-Готарду. Въ воспоминаніяхъ Дебогорій-Мокріевича мы находимъ такое описаніе этого путешествія:

«Дорога шла все время вдоль рѣки Рейнъ, которая течетъ долиною, мѣстами принимающею видъ небольшихъ зеленыхъ и совершенно плоскихъ лужковъ, окруженныхъ горами, мѣстами

же превращается въ узкія, извилистыя ущелья, загроможденныя камнями, среди которыхъ съ шумомъ кипитъ и пѣнится вода. По сторонамъ рѣки толпились горы, поросшія ельникомъ и выглядывавшія одна изъ-за другой вершинами, то остроконечными, то закругленными, въ видѣ гигантскихъ шапокъ, съ ущельями, съ голыми скалами.

«Помню, въ одномъ мѣстѣ, почти у самой дороги, торчала огромная голая скала, перпендикулярно поднимавшаяся на такую страшную высоту, что мы всѣ трое невольно заглядѣлись на нее. Далеко-далеко, вверху, на скалѣ я увидѣлъ ель, всю подавшуюся впередъ и нависшую прямо надъ нашими головами. Видимо,—старая, рослая ель. Снизу она казалась намъ крошечнымъ деревцомъ.

— Вотъ ты себѣ представь,—говорилъ я Судзиловскому, глядя вверхъ,—что сидишь, вонъ, на той елочкѣ, и что она вдругъ надъ тобою ломается.

— У-у! Чортъ возьми!—воскликнулъ Судзиловскій, содрогаясь, и я чувствовалъ, какъ у меня тоже пробѣжалъ морозъ по спинѣ.

«Первое время я восторгался видами природы, но потомъ, мало-по-малу, горы стали меня давить. Мнѣ все хотѣлось широкаго, открытаго горизонта. Однако, напрасно мой глазъ искалъ простора: его нигдѣ не было, со всѣхъ сторонъ висѣли скалы. На меня напало тоскливое, удрученное состояніе. Разъ какъ-то, уже не далеко отъ того пункта, гдѣ начинается тоннель, для избѣжанія расходовъ мы забрались на ночлегъ вглубь лѣса, въ сторону отъ дороги. Мѣстность были глухая. Шелъ дождь. Мы сильно продрогли, такъ какъ, хотя это и было въ маѣ мѣсяцѣ, мѣсто было высокое, и тамъ стояли еще холода. По *русскому* обычаю мы развели костеръ и располо-

жились подъ скалою, защищавшею насъ отъ дождя, разостлали на землѣ одежду и улеглись спать. Густой еловый лѣсъ спускался по горѣ внизъ, откуда доносился несмолкаемый шумъ рѣки. Ночь наступила темная. Дождь усилился. Костеръ согрѣвалъ наши ноги, и мы задремали. Вдругъ послышался въ лѣсу трескъ.

— Кто тамъ?—окрикнулъ одинъ изъ насъ по-русски, видимо, забывая спросонья, что дѣло происходитъ въ Швейцаріи.

«Мы всѣ очнулись отъ дремоты. Лѣсной валежникъ трещалъ подъ чьими-то тяжелыми ногами. Трескъ усиливался, приближался. Кто-то двигался на огонь. Одинъ изъ насъ вытащилъ револьверъ. Мы предполагали увидѣть передъ собою по крайней мѣрѣ медвѣдя, но это оказался только лѣсной сторожъ. На неудобопонятномъ языкѣ внутреннихъ кантоновъ онъ намъ объяснилъ, что разводить костровъ нельзя, такъ какъ отъ этого можетъ произойти лѣсной пожаръ, и потребовалъ, чтобы мы потушили огонь.

«Въ Россіи въ такую погоду не только лѣсные сторожа, но даже собаки спятъ, забравшись въ сухое мѣсто.

«Мы принуждены были потушить костры.

— Ну, здѣсь не скроешься!—замѣтилъ кто-то изъ насъ.

— Да... не скроешься...

«И долго послѣ этого мы бесѣдовали на тему о швейцарскомъ «благоустройствѣ», и я вдругъ почувствовалъ, что оно меня давитъ, подобно горамъ. Мнѣ вспомнились наши русскіе лѣса, дремучіе, непроходимые, безъ лѣсныхъ сторожей».

Работы на Сенъ-Готардѣ наши путешественники не нашли, такъ какъ оказалось, что тамъ рабочихъ больше, чѣмъ надо. Они не хотѣли возвращаться обратно и черезъ Фурскій проходъ, по ущельямъ, засыпаннымъ снѣгомъ направи-

лись въ Ронскую долину и спустя нѣсколько дней прибыли въ Женеву. Несмотря на участье, которое принялъ въ странникахъ завѣдывающій типографіей «чайковцевъ», Лазарь Гольденбергъ, они и здѣсь долго не могли найти работы. Судзиловскому надоѣло все это, и онъ возвратился въ Цюрихъ. Донецкій же и Мокріевичъ, наконецъ, пристроились къ одному предпринимателю въ качествѣ землекоповъ, съ платою по 3 франка въ день.

Такъ какъ Дебогорій-Мокріевичъ былъ пріученъ съ малолѣтства къ физическому труду, то онъ легко справлялся съ работою. Донецкому справиться съ нею было труднѣе, но понемногу и онъ привыкъ. Однажды женевская полиція арестовала его, такъ какъ до ея свѣдѣнія дошло, что онъ прописался подъ чужою фамиліею. Донецкій переночевалъ въ участкѣ, и на другой день ему было приказано оставить женевскій кантонъ. Эта исторія глубоко возмутила Мокріевича. Онъ понялъ, что швейцарская свобода не для всѣхъ, и что русскіе здѣсь лишни. Впрочемъ, полиція не церемонилась не только съ иностранцами.

«Я самъ, — пишетъ Дебогорій-Мокріевичъ,— въ Женевѣ былъ свидѣтелемъ того, какъ жандармъ билъ «гражданина». «Гражданинъ» свалился на полъ (дѣло было въ участкѣ), и жандармъ принялся толкать его въ бока и брюхо своими сапожищами, подбитыми снизу для крѣпости сплошными рядами гвоздей, такихъ, какіе употребляются у насъ, въ Россіи, для лошадиныхъ подковъ. Но что же это въ такомъ случаѣ за порядки, и какая это свобода? Склонные и безъ того крайне скептически относиться къ политической свободѣ, мы только укрѣплялись въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ ней, имѣя передъ глазами подобные факты. Такимъ образомъ, о «сліяніи» съ западно-европейскимъ рабо-

имъ и думать больше не хотѣлось, и оставалось только покончить съ этимъ вопросомъ какъ-нибудь сразу, тѣмъ болѣе, что въ глубинѣ души давно уже копошилось смутное чувство недовольства и какой-то неудовлетворенности всѣмъ тѣмъ, что приходилось видѣть кругомъ: и языкъ чужой, и нравы чужіе, и тѣсно тутъ такъ, что повернуться негдѣ, и скука, скука смертная! Я рѣшился возвратиться въ Россію».

Передъ отъѣздомъ, въ августѣ или сентябрѣ 1873 г., онъ отправился навѣстить Бакунина. Изъ Іюриха, куда переѣхалъ онъ послѣ исторіи съ Донецкимъ, Дебогорій-Мокріевичъ поѣхалъ дилижансомъ по той самой дорогѣ, которую перешелъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ пѣшкомъ, но отъ Сенъ-Готардскаго прохода повернулъ къ югу, вдоль рѣчки, направлявшейся къ озеру Лаго-Маджіоре, на берегу котораго построенъ Локарно.

Мокріевичъ такъ описываетъ свое свиданіе съ Бакунинымъ:

«Бакунинъ вставалъ поздно, и мы отправились къ нему только часу въ десятомъ утра. Погода стояла солнечная, когда я вошелъ въ его комнату, помѣщавшуюся въ нижнемъ этажѣ; она мнѣ показалась совершенно темной... У правой стѣны, въ углу, я увидалъ въ тѣни огромную, низкую кровать, на которой въ ту минуту еще лежалъ Бакунинъ.

«Р. меня отрекомендовалъ ему. Тотъ, лежа, пожалъ намъ руки, приподнялся съ кровати и сталъ медленно одѣваться. Я осмотрѣлся. Слѣва, вдоль стѣны, стоялъ длинный столъ, заваленный газетами, книгами и письменными принадлежностями. Далѣе, почти до потолка, поднимались простыя деревянныя полки, тоже загроможденныя всевозможными бумагами. Посреди комнаты, на кругломъ столѣ, стояли самоваръ, стака-

ны, табакъ, куски сахару, чайныя ложечки, все въ перемежку; стулья въ безпорядкѣ.

«Бакунинъ былъ необычайно высокъ и массивенъ, хотя его полнота была, очевидно, болѣзненная. Его лицо было обрюзглое. Подъ свѣтло-сѣрыми или голубыми глазами висѣли мѣшки. Огромная голова заканчивалась большимъ лбомъ, по сторонамъ котораго торчали вьющимися клоками рѣдкіе, полусѣдые волосы. Онъ одѣвался, сопѣлъ и отъ времени-до-времени уставлялъ на меня свои свѣтлые глаза. Я чувствовалъ на себѣ этотъ взглядъ, и мнѣ было неловко, тѣмъ болѣе, что совершалось это молча. Я слыхалъ раньше, что Бакунинъ составлялъ мнѣнія о людяхъ по первому впечатлѣнію, и теперь, чего добраго, изучалъ мою физіономію! Изрѣдка онъ перебрасывался съ Р. короткими фразами. Онъ сильно шепелявилъ, такъ какъ у него недоставало многихъ зубовъ. Но вотъ онъ согнулся, чтобы обуть ноги, и въ эту минуту я услыхалъ, какъ его дыханіе сперлось. Когда онъ выпрямился, то засопѣлъ страшно тяжело: онъ задыхался, его обрюзглое лицо посинѣло. Все это указывало на то, что болѣзнь, сведшая его три года спустя въ могилу, уже была развита въ сильной степени.

«Когда Бакунинъ одѣлся, мы вышли въ садъ, въ бесѣдку, куда поданъ былъ завтракъ. Здѣсь къ намъ подошли двое итальянцевъ, одному изъ которыхъ онъ меня отрекомендовалъ. То былъ Кафіери, ближайшій другъ Бакунина, извѣстный тѣмъ, что отдалъ все свое состояніе, достигавшее весьма значительной цифры, на итальянскія революціонныя дѣла. Онъ молча усѣлся возлѣ насъ и принялся курить трубку. Между тѣмъ, пришелъ почтальонъ съ кучей газетъ и писемъ, и Бакунинъ занялся ихъ просматриваніемъ. Затѣмъ появился Зайцевъ, бывшій сотрудникъ журнала «Русское Слово», жившій въ одномъ

домѣ съ Бакунинымъ, и вскорѣ между нами завязался общій разговоръ о Барцелонскомъ возстаніи... Бакунинъ выражалъ ту мысль, что сами революціонеры были сильно виноваты въ неудачахъ, постигшихъ ихъ въ Барцелонѣ.

— Въ чемъ же были ихъ ошибки?—спросилъ я.

— Надо было сжечь правительственныя зданія. Это первый шагъ въ моментъ возстанія, а они этого не сдѣлали!—съ жаромъ проговорилъ онъ.

«Только изъ дальнѣйшихъ бесѣдъ мнѣ выяснилось, насколько важное значеніе придавалъ Бакунинъ этому первому шагу. По его мнѣнію, уничтоженіемъ правительственныхъ зданій, гдѣ сохранялись всевозможные акты и документы, вносился серьезный безпорядокъ и хаосъ въ существующія общественныя отношенія.

— Многія привилегіи и право собственности покоятся на тѣхъ или другихъ документахъ,—говорилъ онъ,—съ уничтоженіемъ которыхъ полный поворотъ къ старому порядку становится затруднительнымъ.

«Развивая свою мысль, Бакунинъ указывалъ на тотъ, по его мнѣнію, многознаменательный фактъ, что самъ народъ въ моментъ возстанія раньше всего набрасывается на правительственныя учрежденія—канцеляріи, суды, архивы, и при томъ вспомнилъ нашъ пугачевскій бунтъ, когда возставшая толпа съ ожесточеніемъ рвала и жгла правительственныя бумаги. Народъ, такимъ образомъ, по мнѣнію Бакунина, инстинктивно понималъ зло «бумажнаго царства» и стремился его уничтожить. Слушая Бакунина, я вспомнилъ и недовѣріе, съ какимъ дѣйствительно относится нашъ мужикъ къ бумагамъ, и тотъ страхъ, который вселяютъ онѣ ему, и оцѣнилъ мысль Бакунина...

«На второй или третій день нашего пребыва-

нія въ Локарно мы отправились по озеру на лодкѣ съ Бакунинымъ, желавшимъ показать намъ домъ, недавно купленный на его имя въ окрестностяхъ города. Покупка эта была совершена итальянскими заговорщиками, съ цѣлью устроить революціонный притонъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлавши Бакунина домовладѣльцемъ, закрѣпить его положеніе въ Локарно, откуда его могли всякую минуту выгнать по настоянію итальянскаго правительства... Для притона этотъ старый домъ, похожій на маленькое укрѣпленіе, представлялъ много удобствъ. Отсюда можно было совершенно незамѣтно пробраться къ озеру и уплыть въ какомъ угодно направленіи. Тамъ предполагалось устроить «летучую типографію», складъ оружія, секретные ходы къ озеру...

— Быть можетъ, и вамъ, русскимъ,—сказалъ Бакунинъ, — понадобится держать за границею свою строго-конспиративную типографію для печатанія летучихъ листковъ; можно будетъ ее также помѣстить здѣсь.

Потомъ, перемѣнивъ тонъ, онъ рѣзко добавилъ:

— Впрочемъ, какіе же конспираторы—русскіе! Пойдутъ болтать, скомпрометируютъ, пожалуй, и наше итальянское дѣло... Да что русскіе!.. Всегда они отличались стадными свойствами! Теперь они всѣ—анархисты, а пройдетъ нѣсколько лѣтъ, и, можетъ быть, ни одного анархиста среди нихъ не будетъ...

«Или, тоже помню, какъ Бакунинъ утверждалъ, что участіе жуликовъ въ революціонныхъ дѣлахъ служитъ вѣрнѣйшимъ доказательствомъ успѣха, ибо жулики — такой народъ, который скорѣе другихъ опредѣляетъ истинное положеніе дѣлъ и даетъ настоящую оцѣнку событіямъ. Они сразу чувствуютъ, гдѣ можетъ быть пажива, и что можетъ принести имъ выгоду, и разъ *они начинаютъ* вмѣшиваться въ революціонное

дѣло, то это показываетъ, что революціонное дѣло сдѣлалось настолько популярнымъ, что можетъ явиться предметомъ эксплоатаціи для личныхъ цѣлей».

Пробывъ въ Локарно еще нѣсколько дней, Дебогорій-Мокріевичъ добрался на пароходѣ до южнаго конца Лаго-Маджіоре, пересѣлъ тамъ на желѣзную дорогу и черезъ сѣверную Италію и Тироль возвратился въ Россію, совершенно вылѣченный отъ своего космополитизма.

Анна Макаревичъ, Иванъ Дробязкинъ и Левъ Дейчъ, разселился по деревнямъ, въ большинствѣ подъ видомъ мелкихъ торговцевъ. Ихъ поселенія отстояли одно отъ другого въ 10—15 верстъ, и они часто посѣщали другъ друга. Умудренные опытомъ, революціонеры не одѣвались въ рубища, не притворялись неграмотными, наоборотъ, надѣвали хорошія свитки; нѣкоторые жили даже по дворянскимъ документамъ. Каждый изъ революціонеровъ имѣлъ по револьверу и кинжалу, съ которыми не разставался никогда и систематически упражнялся въ стрѣльбѣ. Они пріобрѣли подробныя карты Кіевской, Подольской и Херсонской губерній, изданныя генеральнымъ штабомъ, и изучали ихъ.

Получилась, однако, странная картина: револьверы, кинжалы, карты генеральнаго штаба, упражненія въ стрѣльбѣ заставляли революціонеровъ тщательно скрывать отъ сосѣдей свою интимную жизнь, избѣгать знакомствъ. Наружныя двери домовъ всегда были закрыты, ихъ окна по вечерамъ были завѣшаны; когда мужикъ входилъ въ избу, чтобы поболтать съ человѣкомъ, видѣвшимъ свѣтъ, бунтарь ежился, хмурился и только думалъ о томъ, какъ бы скорѣе избавиться отъ непрошеннаго гостя. Изъ 15 членовъ кружка, поселившихся въ Кіевской губерніи, едва-ли человѣка четыре искали знакомствъ съ крестьянами, остальные не вступали въ знакомства ни съ кѣмъ.

Замыкаясь все болѣе и болѣе отъ окружающей жизни, революціонеры ограничивались только сношеніями другъ съ другомъ. Не желая возбуждать подозрѣній среди крестьянъ частыми посѣщеніями глухихъ деревень, они время отъ времени устраивали съѣзды, сначала въ Смѣлѣ, на постояломъ дворѣ какого-то еврея, принимавшаго таинственныхъ посѣтителей за конокра-

не менѣе, послѣдній сообразилъ, что высшее начальство можетъ исправить промахъ станового а потому, не дожидаясь ареста, оставилъ «Луку». Почти въ моментъ отъѣзда къ нему заѣхалъ Лермонтовъ, одинъ изъ членовъ кружка «чайковцевъ», съ которымъ онъ познакомился въ Цюрихѣ, и оба они отправились въ Кіевъ. Тамъ существовали въ это время двѣ революціонныя группы: кружокъ «чайковцевъ» и «кіевская коммуна». «Чайковцы» находились въ сношеніяхъ съ петербургскими и одесскими кружками, и ихъ дѣятельность выражалась, главнымъ образомъ, въ пропагандѣ революціонныхъ идей при помощи «Капитала» Маркса и въ распространеніи революціонныхъ брошюръ среди рабочихъ. «Кіевская коммуна» представляла въ высшей степени своеобразное учрежденіе. Это просто была квартира, въ которой можно было поселиться и жить чуть не всякому: для этого достаточно было простого знакомства съ кѣмъ-нибудь изъ живущихъ. Рекомендаціи ни отъ кого не требовалось. Всѣ дѣлились другъ съ другомъ средствами, ѣли за однимъ столомъ, а на покупку продуктовъ и прочіе расходы по квартирѣ давали деньги тѣ, кто ихъ имѣлъ. Всякій смотрѣлъ на «коммуну», какъ на такое мѣсто, куда онъ могъ зайти передохнуть день-другой, чтобы потомъ опять «идти въ народъ». Тамъ постоянно смѣнялись лица: одни пріѣзжали, другіе уѣзжали или, попросту, уходили пѣшкомъ.

«Коммуна» исполняла назначеніе революціонной станціи, являлась мѣстомъ взаимныхъ встрѣчъ, и никто ничего другого не требовалъ отъ этого учрежденія, но зато, кто только не перебывалъ тамъ! Тамъ можно было слышать длинныя рѣчи Каблица, развивавшаго народническіе принципы, тамъ раздавалось энергичное слово Екатерины Брешко-Брешковской и умное замѣ-

чаніе Ковалика. Иногда передъ воротами дома Малинскаго, гдѣ во флигелѣ помѣщалась «коммуна», останавливалась карета, въ которой пріѣзжала «либералка» для какихъ-то переговоровъ. Одновременно туда заходили плотники Гаврила и Анисимъ послушать чтеніе революціонныхъ брошюръ.

Проживъ нѣсколько недѣль въ «коммунѣ», Дебогорій-Мокріевичъ поселился на Подолѣ, въ компатѣ, занимаемой артелью плотниковъ, куда онъ попалъ при помощи распропагандированнаго «чайковцами» плотника Гаврилы. Онъ самъ купилъ себѣ топоръ и скоро научился обтесывать бревна. Артельные подрядчики ему, впрочемъ, не понравились. «Большакъ» Гаврила и «хозяинъ» Анисимъ ничего не дѣлали и, кромѣ того, пропивали артельныя деньги, рабочіе же, кромѣ квартиры и ѣды, ничего не получали. Начались столкновенія между работниками и хозяевами артели. Гаврила въ пьяномъ видѣ кричалъ: «Я—Стенька Разинъ!», и слушать ничего не хотѣлъ. Пропаганда Дебогорій-Мокріевича шла скверно, плотники были замучены работою и не думали ни о чемъ, кромѣ отдыха, ѣды и бани. Д.-М. оставилъ артель.

Изрѣдка онъ продолжалъ посѣщать «коммуну» и какъ разъ ночевалъ тамъ на кухнѣ, когда туда нагрянула полиція и жандармы. Кухня находилась въ самой глубинѣ корридора, и изъ нея былъ только одинъ выходъ, черезъ этотъ корридоръ. Не долго думая, Мокріевичъ, одѣтый въ костюмъ плотника, накинулъ на себя полушубокъ и прямо вышелъ въ корридоръ, разсчитывая, что жандармы примутъ его за водовоза. Такъ какъ обыскъ производился у «студентовъ», то никому не пришло въ голову остановить рабочаго, и Мокріевичъ преспокойно ушелъ.

Разставшись съ плотниками, Дебогорій-Мокрі-

евичъ съ Коваликомъ открылъ въ Кіевѣ, на Подолѣ, сапожную мастерскую. Аксельродъ и два брата Левенталя являлись въ мастерскую ежедневно изучать ремесло, которое преподавалъ имъ Мокріевичъ, знавшій его лучше всѣхъ. Однажды Левенталь снесъ на толкучій рынокъ одно изъ коллективныхъ произведеній мастерской, но возвратился оттуда совершенно сконфуженнымъ: покупателя не находилось, и публика объявила, что такіе сапоги шили при царѣ Петрѣ.

Такъ какъ матеріальныхъ средствъ у мастерской было мало и приходилось дорожить каждой копѣйкой, то эта неудача повліяла на «ремесленниковъ» деморализующимъ образомъ. Тутъ распространились слухи, что въ Кіевѣ затѣвается однодневная перепись населенія. Такъ какъ и Коваликъ, и Дебогорій Мокріевичъ жили безъ паспортовъ и разыскивались полиціею, то они рѣшили закрыть мастерскую и разъѣхаться.

Наступила весна и становилось возможнымъ путешествовать пѣшкомъ, а потому «кіевская коммуна» рѣшила организовать экспедицію «въ народъ». Были пріобрѣтены попошенныя шапки, полушубки, изготовлены паспорта, къ которымъ была приложена печать собственнаго издѣлія, и пять человѣкъ: Стефановичъ, Дебогорій-Мокріевичъ, Вася. С. и Ш. двинулись въ путь. Денегъ у нихъ было немного, всего по шести рублей на брата.

Первый привалъ они сдѣлали въ Жмеринкѣ, гдѣ занимались нагрузкою шпалъ. Одинъ изъ компаніи, Ш., вскорѣ почувствовалъ, что не въ силахъ вести такую жизнь, полную лишеній, и возвратился въ Кіевъ, но остальной братіи это не расхолодило нисколько. Вася былъ посланъ въ Кіевъ за красками, и они продолжали путь подъ видомъ красильщиковъ. Они проходили верстъ по двадцать въ день, останавливаясь на ночлегъ

въ деревняхъ. Крестьяне встрѣчали ихъ подозрительно и неохотно принимали на ночлегъ, такъ какъ поношенная, почти оборванная одежда путниковъ явно возбуждала у нихъ подозрѣнія. Не одну ночь имъ пришлось провести подъ открытымъ небомъ, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ холода и сырости. Для ѣды они варили кашу, но обыкновенно удовлетворялись хлѣбомъ съ саломъ. Сильныя страданія причиняла путникамъ плохая обувь, понатиравшая имъ мозоли. У С. образовались на ногахъ цѣлыя раны и, наконецъ, онъ отказался идти дальше, поѣхалъ куда-то за Днѣпръ къ своимъ роднымъ и никогда не возвратился болѣе ни въ Кіевъ, ни «въ народъ».

Больше всего смущало спутниковъ то обстоятельство, что крестьяне положительно не хотѣли имъ давать никакой работы и предпочитали обращаться къ мѣстнымъ красильщикамъ, жившимъ въ каждой мѣстности въ изобиліи. Какъ послѣдователи «бунтарской» программы Бакунина, Мокріевичъ и его товарищи не распространяли никакихъ брошюръ и не занимались пропагандою какихъ-либо идей, а лишь старались выяснить путемъ разспросовъ старожиловъ, въ какихъ мѣстностяхъ и когда происходили безпорядки. По ихъ теоріи выходило, что въ деревняхъ, гдѣ происходилъ какой-либо бунтъ, сохранилось въ народѣ извѣстное революціонное настроеніе. Этимъ можно воспользоваться, и въ такихъ мѣстностяхъ не трудно поднять новый бунтъ, который при извѣстныхъ условіяхъ можетъ разростись и охватить всю страну.

Изъ всѣхъ безпорядковъ, какіе происходили въ Подольской и Кіевской губерніяхъ за послѣдніе нѣсколько десятковъ лѣтъ, самые крупные размѣры принялъ такъ называемый «Корсунскій *бунтъ*». *Его* исторію привелъ въ извѣстность Де-

богорій-Мокріевичъ. На основаніи разспросовъ крестьянъ и другихъ старожиловъ онъ выяснилъ, что дѣло было такъ:

Во время Севастопольской кампаніи въ Корсуни и сосѣднихъ селахъ распространился слухъ, что царь вернулъ Украйнѣ «казацкія права». Манифестъ объ этомъ, какъ гласила молва, уже полученъ въ церквахъ, въ виду чего крестьяне потребовали отъ духовенства прочесть его. Отказъ былъ объясненъ, конечно, тѣмъ, что духовенство «за одно» съ панами. Тогда крестьяне, собравшись въ количествѣ десяти тысячъ человѣкъ, двинулись въ Корсунь, гдѣ находился дворецъ кн. Лопухина, твердо рѣшивъ потребовать выдачи царскаго манифеста.

Въ Корсуни толпу встрѣтилъ отрядъ солдатъ, вытребованный заблаговременно помѣщикомъ. Командиръ потребовалъ къ себѣ для переговоровъ депутатовъ, одинъ изъ которыхъ бросился на командира съ топоромъ и зарубилъ его адъютанта. Войску былъ отданъ приказъ стрѣлять, и со стороны крестьянъ было убито около 20 человѣкъ.

Дебогорій-Мокріевичъ рѣшилъ, что Корсунь представляетъ собою самое подходящее мѣсто для устройства притона, въ виду чего онъ поѣхалъ въ Кіевъ хлопотать, чтобы «коммуна» отпустила ему на это дѣло денегъ. У «коммуны» ихъ не оказалось, что такъ разсердило участника кружка Мокріевича, Васю, что онъ оставилъ Кіевъ и отправился на сѣверъ. Изъ всей компаніи остались только два человѣка: Дебогорій-Мокріевичъ и Стефановичъ.

Въ ожиданіи рѣшенія вопроса о корсунскомъ притонѣ Мокріевичъ ведетъ бродячую жизнь: то онъ перебирается въ Черниговскую губернію и заводитъ знакомства среди крестьянъ приднѣпровскихъ селъ, то сопровождаетъ толпы бого-

мольцевъ, направляющихся въ Кіевъ, то ѣдетъ въ Волочискъ и пробуетъ, правда, неудачно, перевозить черезъ австрійскую границу бакунинскія изданія, то поступаетъ на работу къ желѣзнодорожному подрядчику, занимавшемуся ремонтомъ пути между станціями Жмеринкою и Крыжополемъ. Тамъ онъ какъ-то попытался организовать стачку рабочихъ и убѣдилъ ихъ предъявить подрядчику требованія объ увеличеніи платы, но и тутъ его постигла неудача: рабочіе помирились съ подрядчикомъ, и послѣдній далъ ему разсчетъ.

Изъ Жмеринки Мокріевичъ направился въ Кіевъ и прибылъ туда какъ разъ въ моментъ разгрома «коммуны». Правительство напало на слѣдъ пропагандистовъ; начались массовые аресты, и Мокріевичу не оставалось ничего другого, какъ бѣжать изъ Кіева, что онъ и исполнилъ въ сопровожденіи другого уцѣлѣвшаго члена «коммуны», Ходько. Такъ какъ и на вокзалѣ, и на пароходныхъ пристаняхъ кишмя-кишѣли агенты, они бѣжали изъ Кіева ночью пѣшкомъ. Не доходя до городской черты, Ходько надѣлъ крестьянскую свитку, а Мокріевичъ, за неимѣніемъ другой свитки, красную рубашку на выпускъ, послѣ чего они оставили городъ и по проселочнымъ дорогамъ, обходя старательно придорожныя корчмы и станціи, ночуя въ лѣсахъ, гдѣ ихъ безпокоили только бѣлки, двинулись по направленію къ Житомиру.

Не доходя до Коростышева, они переодѣлись въ лѣсу въ свои полуевропейскіе костюмы и въ такомъ видѣ въ еврейской балагулѣ направились въ Бердичевъ, откуда по желѣзной дорогѣ добрались до Радзивилова. За шесть рублей контрабандисты согласились перевести ихъ черезъ границу. Переходъ не обошелся безъ приключеній, за *бѣглецами* гнались, но контрабандисты съумѣли

обмануть стражниковъ, и на другой день кіевскіе коммунары уже ѣхали по желѣзной дорогѣ во Львовъ.

Въ Галиціи ихъ принимали за эмиссаровъ польскаго «ржонда», на швейцарской границѣ за фальшиво-монетчиковъ, но они добрались благополучно до Женевы, гдѣ прожили около мѣсяца; отдохнувъ, они рѣшили возвратиться на родину. Ходько перебрался въ Россію черезъ Румынію, Мокріевичъ же объѣздилъ пограничныя мѣстности Галиціи и Буковины, стараясь найти подходящее мѣсто для устройства притона по образцу устроеннаго Бакунинымъ въ Локарно. Подходящаго мѣста онъ не нашелъ и черезъ Броды при помощи контрабандистовъ перебрался обратно въ Россію и вернулся въ Кіевъ.

Начались нескончаемыя скитанія по чужимъ квартирамъ. Приходилось почевать то у знакомыхъ и пріятелей, то у малознакомыхъ, то совершенно незнакомыхъ. Полиція разыскивала Деборій-Мокріевича, и никто не рѣшался держать его долгое время въ своей квартирѣ. Онъ велъ жизнь какого-то вѣчнаго жида, и это страшно удручало его. У него не было никакого паспорта, ни собственнаго, ни подложнаго, но спустя нѣсколько недѣль, благодаря поддержкѣ друзей, онъ кое-какъ устроилъ свои дѣла, послѣ чего вмѣстѣ со Стефановичемъ переѣхалъ въ Одессу.

Здѣсь они занялись устройствомъ кружка, который въ началѣ 1875 г. состоялъ изъ 8 человѣкъ. Его задачей было организованіе народныхъ массъ во имя передѣла земли. Подъ этимъ знаменемъ они надѣялись вызвать мѣстное возстаніе, которое бы имѣло шансы распространиться и охватить весь народъ. Раньше всего было признано необходимымъ создать тѣсное ядро или кружокъ интеллигенціи, затѣмъ разсѣдиться по

Анна Макаревичъ, Иванъ Дробязкинъ и Левъ Дейчъ, разселился по деревнямъ, въ большинствѣ подъ видомъ мелкихъ торговцевъ. Ихъ поселенія отстояли одно отъ другого въ 10—15 верстъ, и они часто посѣщали другъ друга. Умудренные опытомъ, революціонеры не одѣвались въ рубища, не притворялись неграмотными, наоборотъ, надѣвали хорошія свитки; нѣкоторые жили даже по дворянскимъ документамъ. Каждый изъ революціонеровъ имѣлъ по револьверу и кинжалу, съ которыми не разставался никогда и систематически упражнялся въ стрѣльбѣ. Они пріобрѣли подробныя карты Кіевской, Подольской и Херсонской губерній, изданныя генеральнымъ штабомъ, и изучали ихъ.

Получилась, однако, странная картина: револьверы, кинжалы, карты генеральнаго штаба, упражненія въ стрѣльбѣ заставляли революціонеровъ тщательно скрывать отъ сосѣдей свою интимную жизнь, избѣгать знакомствъ. Наружныя двери домовъ всегда были закрыты, ихъ окна по вечерамъ были завѣшаны; когда мужикъ входилъ въ избу, чтобы поболтать съ человѣкомъ, видѣвшимъ свѣтъ, бунтарь ежился, хмурился и только думалъ о томъ, какъ бы скорѣе избавиться отъ непрошеннаго гостя. Изъ 15 членовъ кружка, поселившихся въ Кіевской губерніи, едва-ли человѣка четыре искали знакомствъ съ крестьянами, остальные не вступали въ знакомства ни съ кѣмъ.

Замыкаясь все болѣе и болѣе отъ окружающей жизни, революціонеры ограничивались только сношеніями другъ съ другомъ. Не желая возбуждать подозрѣній среди крестьянъ частыми посѣщеніями глухихъ деревень, они время отъ времени устраивали съѣзды, сначала въ Смѣлѣ, на постояломъ дворѣ какого-то еврея, принимавшаго таинственныхъ посѣтителей за конокра-

евичъ съ Коваликомъ открылъ въ Кіевѣ, на Подолѣ, сапожную мастерскую. Аксельродъ и два брата Левенталя являлись въ мастерскую ежедневно изучать ремесло, которое преподавалъ имъ Мокріевичъ, знавшій его лучше всѣхъ. Однажды Левенталь снесъ на толкучій рынокъ одно изъ коллективныхъ произведеній мастерской, но возвратился оттуда совершенно сконфуженнымъ: покупателя не находилось, и публика объявила, что такіе сапоги шили при царѣ Петрѣ.

Такъ какъ матеріальныхъ средствъ у мастерской было мало и приходилось дорожить каждой копѣйкой, то эта неудача повліяла на «ремесленниковъ» деморализующимъ образомъ. Тутъ распространились слухи, что въ Кіевѣ затѣвается однодневная перепись населенія. Такъ какъ и Коваликъ, и Дебогорій Мокріевичъ жили безъ паспортовъ и разыскивались полиціею, то они рѣшили закрыть мастерскую и разъѣхаться.

Наступила весна и становилось возможнымъ путешествовать пѣшкомъ, а потому «кіевская коммуна» рѣшила организовать экспедицію «въ народъ». Были пріобрѣтены поношенныя шапки, полушубки, изготовлены паспорта, къ которымъ была приложена печать собственнаго издѣлія, и пять человѣкъ: Стефановичъ, Дебогорій-Мокріевичъ, Вася. С. и Ш. двинулись въ путь. Денегъ у нихъ было немного, всего по шести рублей на брата.

Первый привалъ они сдѣлали въ Жмеринкѣ, гдѣ занимались нагрузкою шпалъ. Одинъ изъ компаніи, Ш., вскорѣ почувствовалъ, что не въ силахъ вести такую жизнь, полную лишеній, и возвратился въ Кіевъ, но остальной братіи это не расхолодило нисколько. Вася былъ посланъ въ Кіевъ за красками, и они продолжали путь подъ видомъ красильщиковъ. Они проходили верстъ по двадцать въ день, останавливаясь на ночлеги

въ деревняхъ. Крестьяне встрѣчали ихъ по
зрительно и неохотно принимали на н
легъ, такъ какъ поношенная, почти оборван
одежда путниковъ явно возбуждала у нихъ
дозрѣнія. Не одну ночь имъ пришлось прове
подъ открытымъ небомъ, дрожа всѣмъ тѣл
отъ холода и сырости. Для ѣды они варили ка
но обыкновенно удовлетворялись хлѣбомъ
саломъ. Сильныя страданія причиняла пут
камъ плохая обувь, понатиравшая имъ мозо
У С. образовались на ногахъ цѣлыя раны и,
конецъ, онъ отказался идти дальше, поѣха
куда-то за Днѣпръ къ своимъ роднымъ и нико
не возвратился болѣе ни въ Кіевъ, ни «въ
родъ».

Больше всего смущало спутниковъ то обст
тельство, что крестьяне положительно не хот
имъ давать никакой работы и предпочитали
ращаться къ мѣстнымъ красильщикамъ, ж
шимъ въ каждой мѣстности въ изобиліи. К
послѣдователи «бунтарской» программы Ба
нина, Мокріевичъ и его товарищи не распрост
няли никакихъ брошюръ и не занимались про
гандою какихъ-либо идей, а лишь старались
яснить путемъ разспросовъ старожиловъ, въ
кихъ мѣстностяхъ и когда происходили безпор
ки. По ихъ теоріи выходило, что въ деревня
гдѣ происходилъ какой-либо бунтъ, сохранил
въ народѣ извѣстное революціонное настроен
Этимъ можно воспользоваться, и въ таки
мѣстностяхъ не трудно поднять новый бун
который при извѣстныхъ условіяхъ можетъ р
ростись и охватить всю страну.

Изъ всѣхъ безпорядковъ, какіе происход
въ Подольской и Кіевской губерніяхъ за посл
ніе нѣсколько десятковъ лѣтъ, самые крупн
размѣры принялъ такъ называемый «Корсунс
бунтъ». *Его исторію* привелъ въ извѣстность

вилъ тысяцкій съ двумя сотскими и, найдя на телѣгѣ кобуръ отъ револьвера, доставилъ всю компанію на становую квартиру. Станового не оказалось дома, и тысяцкій, пріѣхавъ поздно ночью, приказалъ отправить задержанныхъ на постоялый дворъ подъ стражей и на другое утро доставить ихъ къ нему. Задержанные имѣли, такимъ образомъ, возможность припрятать самые компрометирующіе ихъ предметы, но всѣ предосторожности оказались излишними, такъ какъ на слѣдующій день становой распорядился отпустить стражниковъ. Оказалось, что въ Шполѣ незадолго до этого была совершена крупная кража, и революціонеровъ тысяцкій принялъ за воровъ.

Компанія добралась, такимъ образомъ, благополучно до Черкассъ, оттуда направилась въ Харьковъ, гдѣ собрался весь кружокъ и началъ устраивать свои совѣщанія въ подгородней рощѣ «Основѣ». Тутъ обнаружилась между революціонерами полная рознь, и въ концѣ-концовъ кружокъ распался. Дебогорій-Мокріевичъ съ нѣсколькими товарищами остался въ Харьковѣ. Объ этомъ періодѣ своей жизни онъ вспоминалъ всегда съ ужасомъ, словно о пережитой тяжелой болѣзни. Къ неудачѣ, которую онъ потерпѣлъ въ своемъ дѣлѣ, присоединился полный матеріальный кризисъ. Отъ незнанія, куда себя дѣвать, и въ поискахъ за пропитаніемъ, Дебогорій-Мокріевичъ ѣздилъ съ какою-то бродячею труппою актеровъ по южнымъ городамъ: Маріуполю, Бердянску, Керчи, Таганрогу, или появлялся въ Харьковѣ, гдѣ пѣлъ по трактирамъ.

Въ началѣ 1877 г., вскорѣ послѣ объявленія войны Турціи, онъ опять появился въ Кіевѣ, усталый, исхудавшій, еле волоча ноги.

Въ Кіевѣ онъ съ товарищами нашелъ себѣ дѣло. Замѣтивъ большой интересъ къ телеграм-

камъ объ успѣхахъ и просить ихъ о мат
ной помощи. Поѣздка оказалась неудач
эмиссаръ привезъ всего 30 плохихъ револь
Вскорѣ произошло событіе, разстроившее
революціонеровъ. Въ числѣ лицъ, арестов
въ 1874 г., находились Ларіоновъ и Гори
давшіе показанія, сильно скомпрометиро
«Кіевскую коммуну». Вслѣдъ за тѣмъ
вичъ былъ освобожденъ изъ тюрьмы, и
была возложена миссія разыскать Стефа
и Дебогорій-Мокріевича. Гориновичу
узнать, что они проживаютъ гдѣ-то въ
ностяхъ Елисаветграда, и онъ направилс
но въ Елисаветградѣ его встрѣтили с
Дейчъ и Малинка и, понявъ, въ чемъ дѣло,
ли убить.

Покушеніе было совершено въ Одессѣ.
нѣсколькихъ ударовъ Гориновичъ упалъ.
его мертвымъ, исполнители приговора обл
лицо сѣрной кислотой въ томъ намѣреніи
полиція не могла констатировать личност
таго. Тѣмъ не менѣе, Гориновичъ оказал
вымъ. Началось слѣдствіе, кое-кто изъ
ченныхъ къ отвѣтственности лицъ сдѣла
облаченія, компрометирующія революціо
и послѣдніе сочли за благо ликвидирова
дѣла и скрыться.

Тутъ Дебогорій-Мокріевичъ, жизнь к
изобилуетъ всякаго рода приключеніями в
старыхъ романовъ, чуть не попалъ въ рук
ціи. Въ сопровожденіи трехъ товарищ
двухъ телѣгахъ, нагроможденныхъ всяка
вещами, въ числѣ которыхъ были и карт
ральнаго штаба, и револьверы, и кинжалы
сѣдла, на которыхъ предполагалось ѣзд
время возстанія, и шкатулка съ фалы
паспортами, Дебогорій-Мокріевичъ пере
чрезъ мѣстечко Шполу, гдѣ его вдругъ

вилъ тысяцкій съ двумя сотскими и, найдя на телѣгѣ кобуръ отъ револьвера, доставилъ всю компанію на становую квартиру. Станового не оказалось дома, и тысяцкій, пріѣхавъ поздно почью, приказалъ отправить задержанныхъ на постоялый дворъ подъ стражей и на другое утро доставить ихъ къ нему. Задержанные имѣли, такимъ образомъ, возможность припрятать самые компрометирующіе ихъ предметы, но всѣ предосторожности оказались излишними, такъ какъ на слѣдующій день становой распорядился отпустить стражниковъ. Оказалось, что въ Шполѣ незадолго до этого была совершена крупная кража, и революціонеровъ тысяцкій принялъ за воровъ.

Компанія добралась, такимъ образомъ, благополучно до Черкассъ, оттуда направилась въ Харьковъ, гдѣ собрался весь кружокъ и началъ устраивать свои совѣщанія въ подгородней рощѣ «Основѣ». Тутъ обнаружилась между революціонерами полная рознь, и въ концѣ-концовъ кружокъ распался. Дебогорій-Мокріевичъ съ нѣсколькими товарищами остался въ Харьковѣ. Объ этомъ періодѣ своей жизни онъ вспоминалъ всегда съ ужасомъ, словно о пережитой тяжелой болѣзни. Къ неудачѣ, которую онъ потерпѣлъ въ своемъ дѣлѣ, присоединился полный матеріальный кризисъ. Отъ незнанія, куда себя дѣвать, и въ поискахъ за пропитаніемъ, Дебогорій-Мокріевичъ ѣздилъ съ какою-то бродячею труппою актеровъ по южнымъ городамъ: Маріуполю, Бердянску, Керчи, Таганрогу, или появлялся въ Харьковѣ, гдѣ пѣлъ по трактирамъ.

Въ началѣ 1877 г., вскорѣ послѣ объявленія войны Турціи, онъ опять появился въ Кіевѣ, усталый, исхудавшій, еле волоча ноги.

Въ Кіевѣ онъ съ товарищами нашелъ себѣ дѣло. Замѣтивъ большой интересъ къ телеграм-

между собою, устраивали сходки, дебатировали безъ конца.

Въ концѣ 1877 г. въ одномъ изъ селъ Полтавской губ. были арестованы Стефановичъ и Дейчъ, о которомъ своевременно будетъ разсказано подробнѣе. Кружки занялись устройствомъ побѣга этихъ двухъ заключенныхъ и совершили покушеніе на жизнь прокурора Котляревскаго, руководившаго слѣдствіемъ, и жандармскаго офицера Гейкинга, арестовавшаго Стефановича и Дейча. Покушеніе на Котляревскаго было неудачно, Гейкингъ же былъ убитъ. Группа лицъ, участвовавшихъ въ покушеніи, назвала себя «Исполнительнымъ комитетомъ». Онъ ставилъ своею задачею убійство «предателей, сыщиковъ, жандармовъ, прокуроровъ» и т.д. и предполагалъ приводить въ исполненіе рѣшенія «русской соціально-революціонной партіи».

У Дебогорій-Мокріевича установились странныя отношенія съ «Исполнительнымъ Комитетомъ». Съ одной стороны, онъ не одобрялъ террористическихъ актовъ и лично не считалъ себя способнымъ къ нимъ, съ другой, онъ помогалъ террористамъ, собственноручно изготовлялъ ихъ знаменитую печать съ надписью: «Исполнительный Комитетъ русской соціально-революціонной партіи и изображеніемъ топора, кинжала и револьвера; охотно занимался расклейкою по городу прокламацій Комитета и т. д.

Революціонная дѣятельность Д. М., однако, продолжалась недолго. Въ концѣ 1878 года онъ познакомился со слушательницей кіевскихъ женскихъ курсовъ Бабичевой, состоявшей, какъ выяснилось впослѣдствіи, на жалованьи у кіевскихъ жандармовъ. Одновременно изъ кіевской тюрьмы былъ освобожденъ одинъ изъ политическихъ заключенныхъ, Велединскій, купившій свободу обѣщаніемъ разыскать и выдать Дебогорій-Мокріе-

III.

Настроеніе Кіева въ 1878 г.—Кружки. — Исполнительный комитетъ. — Бабичева. — «Вечеринка» у Ивичевичей. — Вооруженное сопротивленіе. — Арестъ. — Знакомство съ полковникомъ Новицкимъ. — Судъ и ссылка. — Тельма. — Иркутскія похожденія. — Поѣздка въ Забайкалье. — Возвращеніе въ Россію. — Эмиграція.

Вскорѣ для Дебогорій-Мокріевича нашлось въ Кіевѣ болѣе серьезное дѣло, чѣмъ расклейка по городу подложныхъ телеграммъ. Онъ вошелъ въ сношенія съ многочисленными кружками, образовавшимися въ Кіевѣ въ періодъ русско-турецкой войны, въ особенности среди студенчества. Тамъ организовался, между прочимъ, даже «Конституціонный кружокъ», поставившій своею задачею агитацію въ пользу конституціи: устраивались многочисленныя студенческія сходки, на одной изъ которыхъ былъ составленъ проектъ петиціи на Высочайшее имя, въ которой испрашивались извѣстныя реформы. Впрочемъ, охотниковъ подписаться подъ адресомъ оказалось мало, и попытка окончилась ничѣмъ.

Въ это время въ Кіевѣ и Одессѣ скопилась масса лицъ такъ называемыхъ «нелегальныхъ», то есть спасшихся отъ ареста въ 1874 г. и скрывавшихся отъ полиціи. Всѣ они перезнакомились

Вскорѣ явились солдаты, вызванные Судейкинымъ, который самъ не рѣшился болѣе подвергать себя опасности и поручилъ задержаніе осажденныхъ другому офицеру.

На этотъ разъ въ домѣ Коссаровской уже не сопротивлялись. Находившіеся тамъ революціонеры были перевязаны веревками и отправлены въ Лыбедской участокъ. Ивичевичи, Романовъ и Брантнеръ были отправлены въ городскую больницу. Всѣ вещи, находившіяся въ комнатѣ Ивичевича и Дебогорій-Мокріевича, были собраны и отосланы въ полицейскій участокъ.

Часть компаніи, отправившаяся къ Бабичевой, ничего не знала о происшедшемъ и мирно сидѣла за столомъ съ кипящимъ самоваромъ. Свириденко и Дическулъ попрощались и ушли, какъ вдругъ на улицѣ раздался звукъ, похожій на револьверный выстрѣлъ. Кто-то вышелъ въ сѣни узнать, въ чемъ дѣло, но сейчасъ же возвратился, сказавъ, что это хлопнула дверь въ сосѣднемъ трактирѣ. Всѣ успокоились и продолжали пить чай, какъ вдругъ въ сѣняхъ раздался необыкновенный шумъ, послышался лязгъ оружія, двери порывисто раскрылись настежъ, и показалась плотная шеренга солдатъ съ ружьями на перевѣсъ.

— Господа, прошу сдаться! Я — жандармскій офицеръ! — раздался звучный голосъ офицера высокаго роста, въ военной фуражкѣ и въ широкомъ военномъ плащѣ. Это былъ капитанъ Судейкинъ.

— Мы не крѣпость! — сказалъ шутливо Дебогорій-Мокріевичъ.

— Однако, вашіи товарищи... выразилъ Судейкинъ, но дальнѣйшихъ его словъ никто не разслышалъ, такъ какъ квартирная хозяйка стала плакать навзрыдъ и метаться по комнатѣ и *коридору*, какъ угорѣлая.

Солдаты окружили Дебогорій-Мокріевича и его товарищей двумя плотными рядами и доставили ихъ въ участокъ. Той же участи подвергся и Свириденко, оставившій съ Дическуломъ, какъ упомянуто выше, квартиру Бабичевой до прибытія Судейкина. На улицѣ они столкнулись съ жандармами, разставленными вокругъ дома, начали стрѣлять и пустились бѣжать въ разныя стороны. Дическулу удалось скрыться, но Свириденко задержали полицейскіе, разставленные по всѣмъ окрестнымъ улицамъ.

Спустя нѣкоторое время въ переднюю участка, гдѣ находились арестованные и группа солдатъ, быстро вошелъ жандармскій полковникъ Новицкій въ сопровожденіи полицеймейстера.

— Арестованныхъ отдѣлить другъ отъ друга! — крикнулъ Новицкій, и тотчасъ же каждаго изъ арестованныхъ окружило нѣсколько человѣкъ солдатъ.

— Въ случаѣ сопротивленія съ ихъ стороны пускать въ ходъ холодное оружіе!—командовалъ Новицкій, сильно возвышая голосъ, послѣ чего вышелъ въ другую комнату, куда по истеченіи нѣкотораго времени стали вводить арестованныхъ одного за другимъ.

— Позвольте узнать вашу фамилію — изысканно-вѣжливо обратился Новицкій къ Дебогорій-Мокріевичу, когда очередь дошла до послѣдняго.

— На этотъ вопросъ я не желаю отвѣчать,— сказалъ Дебогорій-Мокріевичъ, кланяясь самымъ изысканно-вѣжливымъ образомъ.

— Въ такомъ случаѣ я самъ назову васъ.

— Мнѣ пріятно будетъ услышать.

— Васъ зовутъ Владиміръ Карповичъ Дебогорій-Мокріевичъ .

— Очень пріятно познакомиться.

— Взятъ съ оружіемъ въ рукахъ? — обратился полковникъ къ Судейкину.

— Нѣтъ, арестованъ въ квартирѣ госпожи Бабичевой,—доложилъ Судейкинъ.

— Слава Богу! — воскликнулъ полковникъ.

На слѣдующее утро Дебогорій-Мокріевичъ былъ отправленъ въ тюремный замокъ, гдѣ былъ помѣщенъ въ одиночной камерѣ. Впрочемъ, арестованные сообщались между собою.

Братья Ивичевичи умерли въ больницѣ отъ ранъ, Романовъ же и Брантнеръ были вскорѣ доставлены въ тюрьму, такъ какъ ихъ раны оказались неопасными.

Дебогорій-Мокріевичъ былъ приговоренъ кіевскимъ военно-окружнымъ судомъ къ каторжнымъ работамъ на 14 лѣтъ и 10 мѣс. До пересыльной тюрьмы въ Мценскѣ его и его товарищей конвоировалъ самъ Судейкинъ съ 15 жандармами, дальше, до Москвы, они были отправлены подъ конвоемъ двухъ жандармовъ, въ Нижнемъ-Новгородѣ ссыльныхъ помѣстили на баржѣ, прицѣпленной къ пароходу, и повезли по Волгѣ, а затѣмъ по Камѣ до Перми. Изъ Перми ссыльныхъ доставили въ Екатеринбургъ по желѣзной дорогѣ, а дальше ихъ повезли уже на лошадяхъ до Тюмени, откуда опять то на пароходѣ, то тройками до Красноярска, откуда ихъ уже повели по этапу.

До Иркутска оставалось всего двѣ недѣли ходу, когда Дебогорій-Мокріевичу удалось заключить сдѣлку съ однимъ изъ уголовныхъ поселенцевъ, Павловымъ. За восемь рублей деньгами, фланелевую рубаху и высокіе сапоги онъ согласился идти дальше подъ видомъ политическаго, Дебогорій-Мокріевичъ же числился Павловымъ. Несмотря на то, что двое ссыльныхъ не были нисколько похожи другъ на друга и что Павловъ былъ полуграмотенъ, никто не замѣтилъ обмана. *По прошествіи* трехъ недѣль Дебогорій-Мокріе-

вичъ былъ оставленъ въ Иркутской тюрьмѣ, въ то время какъ его партія отправилась дальше.

1-го ноября 1879 г. онъ былъ доставленъ въ Тельму, глухую деревню въ 60 верстахъ отъ Иркутска, и здѣсь былъ выпущенъ на свободу въ качествѣ ссыльно-поселенца. У него не было ни денегъ, ни связей, но тѣмъ не менѣе онъ рѣшился бѣжать немедленно, опасаясь какъ бы кто-нибудь изъ его товарищей не проболтался или не донесъ, что подъ фамиліей Павлова скрывается политическій преступникъ. Онъ надѣлъ казенный полушубокъ, мѣховую шапку, обувь, состоявшую изъ арестантскихъ «котовъ», къ которымъ, вмѣсто голенищъ, были пришиты кожаные подкандальники, на спину забросилъ мѣшокъ съ находящимися въ немъ кое-какими запасными тряпками и 2-го ноября 1879 г. двинулся въ дорогу.

Отойдя нѣсколько верстъ отъ Тальминскаго селенія, Д.-М. своротилъ вправо проселкомъ и вскорѣ очутился въ лѣсу. Его путешествіе продолжалось долго. Было холодно, онъ испытывалъ голодъ и ночевалъ въ большинствѣ случаевъ по банямъ, которыя имѣются вездѣ. Вскорѣ за нимъ была устроена облава. Одинъ изъ уголовныхъ арестантовъ сдѣлалъ доносъ. Случайно Дебогорій-Мокріевичу удалось добраться до ссыльныхъ поляковъ, которые пріютили его и припрятали въ глухомъ мѣстѣ, хотя за укрывательство ссыльно-каторжнаго имъ угрожала каторга.

Спустя полтора мѣсяца, когда энергія преслѣдователей ослабѣла, онъ отправился въ Иркутскъ и, несмотря на то, что у него не было паспорта, нанялъ себѣ уголъ у одного изъ мѣстныхъ обывателей и перебивался кое-какъ. Вскорѣ онъ вошелъ въ сношенія съ политическими арестантами, содержавшимися въ иркутской тюрьмѣ, и взялся устроить имъ побѣгъ. Въ тюрьмѣ задолго

до этого уголовные арестанты устроили подкопъ, но почему-то не воспользовались имъ и уступили свой секретъ политическимъ. Было рѣшено отправиться по рѣкѣ Иртышу до границы Монголіи и тамъ укрыться въ заранѣе условленномъ мѣстѣ.

Дебогорій-Мокріевичъ купилъ лошадь, приготовилъ значительный запасъ сухарей, сала, чаю и сахару, и въ холодную февральскую ночь выѣхалъ навстрѣчу товарищамъ. Онъ предоставилъ имъ лошадь и припасы, а самъ возвратился въ Иркутскъ, но бѣглецовъ постигла неудача, и всѣ они были разновременно переловлены. Дебогорій-Мокріевичу тоже не повезло. Онъ подружился съ мелкимъ торговцемъ, нѣкимъ Абросимовымъ, который сначала укрывалъ его въ своей квартирѣ, а затѣмъ убѣдилъ принять участье въ покупкѣ скота для перепродажи. Кончилась эта операція тѣмъ, что Абросимовъ обобралъ дочиста компаніона, укравъ у него 400 руб., и скрылся. Дебогорій-Мокріевичу оставалось только благодарить его за то, что онъ вдобавокъ не сдѣлалъ на него доноса.

Перезимовавъ въ Иркутскѣ, въ маѣ мѣсяцѣ бѣглецъ двинулся въ Забайкалье въ телѣгѣ, запряженной одною лошадью. Поклажи у него было немного: перемѣны три бѣлья, барнаульскій тулупъ, желѣзный котелокъ, топоръ, револьверъ и маленькая винтовка съ большимъ запасомъ пуль и пороху. У него, конечно, былъ и паспортъ, изготовленный собственными средствами, но съ большимъ искусствомъ. Переправившись черезъ Байкалъ, онъ поѣхалъ медленно степью, охотясь по дорогѣ. Въ Читѣ Дебогорій-Мокріевичъ продалъ свою лошадь и съ телѣгой, которую взялъ съ собою, поплылъ на плоту внизъ по Амуру и провелъ пять мѣсяцевъ въ Забайкальѣ, гдѣ завелъ знакомства и не безъ успѣха *занимался* торговлею. Онъ уже собирался зимо-

вать въ той мѣстности, когда пришла партія ссыльныхъ, въ которой находились арестанты, знавшіе его въ лицо. Одинъ изъ нихъ донесъ на него начальству. Однажды ночью домикъ, въ которомъ жилъ Дебогорій-Мокріевичъ, былъ окруженъ тремя десятками казаковъ. Хозяина не было дома, и только такимъ образомъ онъ избѣжалъ ареста.

Оставаться дольше въ Забайкальѣ не было возможности, и въ октябрѣ 1880 г., то-есть годъ спустя, послѣ своего побѣга, Дебогорій-Мокріевичъ двинулся опять въ путь, на этотъ разъ на перекладной, и послѣ многихъ различныхъ приключеній въ февралѣ 1881 г. прибылъ въ Москву, откуда вскорѣ эмигрировалъ за границу. Онъ поселился въ Женевѣ, гдѣ, между прочимъ, издалъ свои знаменитыя воспоминанія.

IV.

Возникновеніе «кіевской коммуны».—Поѣздка въ «Горяны».—Петербургскіе эмиссары.—Жизнь и нравы «коммуны». — Похожденія Брешко-Брешковской. — Среди бобылей. — На смѣлянскомъ сахарномъ заводѣ. — Неудавшаяся стачка. — Читиринскій бунтъ.

Въ ряду кіевской группы пропагандистовъ семидесятыхъ годовъ, Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Съ ея именемъ связана даже исторія возникновенія такъ называемой «кіевской коммуны», что, по словамъ обвинительнаго акта по дѣлу «193-хъ», происходило слѣдующимъ образомъ:

Въ январѣ 1872 г. Брешко-Брешковская, урожденная Веригo, познакомилась въ Кіевѣ съ дворяниномъ Мекленбургъ-Шверинскаго великаго герцогства, бывшимъ студентомъ медико-хирургической академіи, студентомъ университета св. Владиміра, Василіемъ Федоровичемъ Фишеромъ. На лѣто она пригласила его погостить къ своимъ родителямъ въ Мглинскій уѣздъ, Черниговской губерніи, гдѣ Фишеръ познакомился, между прочимъ, съ тамошнимъ мировымъ судьею Ковалико̀мъ. Въ сентябрѣ 1873 г. Фишеръ, Брешко-Брешковская, ея сестра, Ольга Иванова, дворянинъ Бенецкій и студентъ Николай Сурядовскій

наняли сообща квартиру въ домѣ Горлова. Такимъ образомъ возникла «кіевская коммуна».

Собственно, хозяйкою квартиры состояла Ольга Константиновна Веригo, по мужу Иванова, родная сестра Брешко-Брешковской, женщина безъ опредѣленнаго міросозерцанія, но въ высшей степени добрая и чуткая. Въ противоположность сестрѣ, Екатерина Брешко-Брешковская, предрасположенная по условіямъ жизни къ идеализму, съ юныхъ лѣтъ увлекалась передовыми идеями и старалась быть полезной народу. Между прочимъ, въ началѣ семидесятыхъ годовъ она принимала участіе въ земскихъ дѣлахъ Мглинскаго уѣзда, и по ея иниціативѣ демократическое земство, уже начинавшее подвергаться разгрому, избрало въ мировые судьи Ковалика. Земское дѣло не могло всецѣло поглотить Брешковскую, и потому она, особенно послѣ окончательнаго разгрома мглинскаго земства, продолжала искать дѣла, чтобы отдать ему всѣ свои силы и способности.

Она стала мечтать объ устройствѣ фермы, которая могла бы служить образцомъ для другихъ и мѣстомъ, гдѣ желающіе могли бы выучиться раціональному хозяйству. Случай осуществить эти мечты скоро представился. Двоюродная сестра Брешковской, Александра Ильинишна Филиппъ, получившая въ наслѣдство отъ дяди имѣніе «Горяны», Полоцкаго уѣзда, Витебской губ., написала ей въ ноябрѣ 1873 г. письмо, въ которомъ жаловалась на свою безпомощность и на неумѣніе привести имѣніе въ порядокъ. Брешко-Брешковская собралась немедленно въ Витебскую губернію, пригласивъ съ собою Фишера. Послѣдній, изучивъ дѣла Филипповъ, пришелъ къ заключенію, что въ «Горянахъ» нельзя устроить образцовой фермы. По его мнѣнію, это имѣніе слѣдовало продать, купить другое, меньшее, сохранивъ часть выру-

ченныхъ денегъ въ качествѣ оборотнаго капитала артели.

Впрочемъ, вся эта комбинація не была осуществлена. Фишеръ возвратился въ Кіевъ, Брешко-Брешковская поѣхала въ Петербургъ, гдѣ вошла въ сношеніе съ тамошними кружками, познакомившись съ Рогачевою и другими. Она жила въ Петербургѣ въ квартирѣ студента медико-хирургической академіи, Лейзера Абова Тительмана. Въ мартѣ Брешковская отправилась обратно въ «Горяны», куда поѣхали также: Каблицъ, Рогачева, Цвинева и Тительманъ. Чѣмъ они занимались тамъ на этотъ разъ, точно не установлено; къ веснѣ 1874 г. вся компанія переѣхала въ Кіевъ, и многіе изъ нихъ поселились въ «коммунѣ».

«Коммуна» въ это время получила окончательно характеръ революціоннаго кружка. Число ея членовъ достигло тридцати человѣкъ, а старый составъ усилили пріѣзжіе петербуржцы: Рогачева, Каблицъ, Тительманъ, Чернышевъ, Стронскій съ женою, Дробышъ, Дробышевскій и Фростъ. Нѣкоторые члены кружка имѣли постоянное жительство въ «коммунѣ», другіе только приходили туда.

Кружокъ принялъ окончательно программу Бакунина, изложенную въ книгѣ: «Государственность и Анархія», то есть отрицалъ всякую форму государственнаго управленія, собственность и семейный союзъ. Но, по свидѣтельству Дебогорій-Мокріевича, въ практическомъ отношеніи, то есть по вопросу объ осуществленіи этой программы на практикѣ, не пришли ни къ какому рѣшенію ни петербургскіе кружки, принявшіе въ свою очередь программу Бакунина, ни кіевляне, и остановились на мысли первоначально отправиться въ народъ съ тѣмъ, чтобы, присмотрѣться поближе къ его жизни, а затѣмъ, собравшись, обсудить сообща практическую сторону вопроса.

Съ этою цѣлью было рѣшено устроить въ октябрѣ 1874 г. съѣздъ въ Петербургѣ, куда должны были прибыть представители отъ всѣхъ «бунтарскихъ» кружковъ.

Итакъ, весною 1874 г. «коммуна» стала снаряжать экспедиціи въ разныя мѣстности, по преимуществу Приднѣпровья. Были пріобрѣтены крестьянскіе костюмы, которые хранились у Ларіонова, географическія карты, которыя Идалія Польгеймъ наклеивала на коленкорѣ, книги революціоннаго содержанія, доставлявшіяся изъза границы контрабандистами.

Было заготовлено большое количество фальшивыхъ крестьянскихъ паспортовъ, чѣмъ занимались: Ларіоновъ, Стефановичъ, Горинóвичъ и Фишеръ, причемъ послѣдній считался особенно искуснымъ мастеромъ по части изготовленія печатей волостныхъ правленій. Печати хранились въ имѣніи у Бенецкаго.

Для письменныхъ сношеній между членами кружка было выработано нѣсколько шифровъ: одинъ по русско-французскому лексикону Рейфа, шифръ Ковалика, состоявшій изъ циническихъ словъ, Польгеймъ и Ларіоновъ употребляли шифръ по Евангелію и, кромѣ того, былъ шифръ, ключемъ къ которому служила одна изъ молитвъ: «Отче нашъ» или «Богородица».

Денежныя средства «коммуны» были довольно ограничены. На удовлетвореніе потребностей ежедневной жизни обитателей ея каждый вносилъ, сколько могъ. Поддерживалъ «коммуну» Бенецкій, одинъ изъ болѣе состоятельныхъ членовъ кружка, получались также пособія изъ Петербурга. Впрочемъ, «коммуна» всегда нуждалась въ деньгахъ, и въ ея архивѣ изобилуютъ «бумаги» такого содержанія: «Пришли денегъ съ первой почтой, а то у меня нѣтъ ни гроша, и у «коммуны» тоже, а позавчера нужно было платить

за квартиру». «Одолжи рублей 35 до 50 не на бонбошки, а на дѣло. Или лично я, или кто другой тебѣ эти деньги во всякомъ случаѣ возвратитъ» и т. д.

Существовали попытки обогащенія «коммуны» нѣсколько экстравагантными средствами, о чемъ, впрочемъ, распространяются только оффиціальные источники. Гориновичъ сознался впослѣдствіи, что Ларіоновъ предлагалъ ему поступить въ почтальоны, пріобрѣсти довѣріе начальства и пристроиться къ перевозкѣ денегъ съ тѣмъ, чтобы извѣстить товарищей, когда будетъ перевозиться большая сумма. Они тогда произведутъ нападеніе на почту и ограбятъ ее.

Фростъ, Ларіоновъ и Стронскій предлагали Идаліи Польгеймъ сдѣлаться любовницею какого-то курскаго помѣщика, богатаго старика, съ тѣмъ, чтобы при случаѣ отравить его, обобрать и деньги доставить въ пользу кружка.

Обвинительная власть впослѣдствіи, собирая свѣдѣнія про дѣятельность и нравы «коммуны», тщательно привела въ извѣстность самые невѣроятные сплетни и слухи, компрометирующіе коммунаровъ. Миръ и согласіе, по словамъ обвинительнаго акта, не всегда царствовали въ «коммунѣ», несмотря на то, что въ разговорѣ между собою ея члены называли другъ друга не иначе, какъ ласкательными именами. Сходки заканчивались, какъ утверждаетъ тотъ же источникъ, въ большинствѣ случаевъ ссорами и драками. Однажды Каблицъ и Фишеръ дрались на вилкахъ... Впрочемъ, эти ссоры и драки заканчивались всегда благополучно: общими попойками.

Прокурорское воображеніе поусердствовало особенно по части изображенія всякихъ отношеній между мужчинами и женщинами, членами «коммуны». Еще проживая въ «Горянахъ», Фишеръ. *якобы*, «не стѣснялся ходить въ присут-

ствіи женщинъ въ одномъ бѣльѣ», а «Каблицъ спалъ въ одной комнатѣ съ Брешковской и Цвиневой»... Тительманъ находился въ интимныхъ отношеніяхъ съ Брешко-Брешковскою... «Достовѣрные» свидѣтели видѣли, что въ «коммунѣ» «по утрамъ спали въ повалку послѣ попоекъ двѣ-три пары мужчинъ и женщинъ»; въ другой разъ кто-то, «придя однажды въ «коммуну» въ 10 час. утра, засталъ тамъ спящими въ повалку паръ пять-шесть женщинъ и мужчинъ въ грязной и вонючей комнатѣ, среди разбросанныхъ кусковъ кожи и инструментовъ сапожнаго ремесла». Вообще, «коммуна»—«это былъ вертепъ разврата».

Изъ этого «притона порока» въ началѣ лѣта 1874 года разошлись во всѣ стороны эмиссары: Стронскій и Чернышевъ отправились въ Полтавскую губернію, жена Стронскаго и Рогачева поступили въ качествѣ работницъ въ одно изъ имѣній, вблизи Кіева, принадлежавшее Кіево-Печерскому монастырю, Дебогорій-Мокріевичъ поступилъ въ желѣзнодорожные рабочіе на участокъ Жмеринка—Крыжополь, Стефановичъ, Колѣнкина и Брешко-Брешковская отправились въ Корсунь, гдѣ устроили притонъ, необходимость котораго была доказана еще годъ тому назадъ Дебогорій-Мокріевичемъ.

Брешко-Брешковская скоро разсталась со своими спутниками и стала странствовать одна.

Она жила подъ видомъ простой крестьянки, помѣщалась въ избахъ, одѣвалась по крестьянски и питалась тѣмъ же, чѣмъ и простой народъ. Ея странствованія продолжались около трехъ съ половиною мѣсяцевъ, и за это время она побывала въ трехъ губерніяхъ: Кіевской, Херсонской и Подольской. Украинскій языкъ былъ ей мало извѣстенъ, и потому она выдавала себя за уроженку великорусской губерніи и одѣвалась не по-хо-

хлацки, а какъ русская женщина. Она не поддѣлывалась подъ народную рѣчь и только иногда употребляла чисто-народныя выраженія. Почти вездѣ она была извѣстна за грамотную и бывалую женщину, хотя въ началѣ странствованія, не желая обращать на себя вниманія, она притворялась неграмотною. Скоро, однако, она убѣдилась въ томъ, что умѣніе читать и писать придаетъ большую авторитетность человѣку, проживающему среди крестьянъ, а грамотная, трезвая и съ достоинствомъ держащая себя женщина пользуется ихъ особеннымъ уваженіемъ.

Ни разу не случилось такъ, чтобы крестьяне заподозрили мнимую крестьянку въ дѣйствительности ея происхожденія, и нигдѣ ея особа не вызывала подозрѣній. Они не обращали никакого вниманія на то, что босыя ноги странницы были бѣлы, руки сравнительно нѣжны, что силы у нея было мало, что она не могла пронести иногда двухъ ведеръ на коромыслѣ, а таскала по одному руками, что вставала позднѣе всѣхъ и у печки обращалась неумѣло. Даже то обстоятельство, что Брешко-Брешковская выдавала себя за сорокалѣтнюю женщину, хотя на самомъ дѣлѣ ей было тридцать лѣтъ, не вводило никого въ сомнѣніе, и только изрѣдка ея моложавость вызывала одобрительное удивленіе.

Она не являлась ни разу въ качествѣ простой работницы или батрачки, но занималась ремеслами: крашеньемъ, шитьемъ, вышиваніемъ. Иногда она выдавала себя за разносчицу полотенъ, а такъ какъ ихъ съ нею не было, то она разсказывала, что идетъ за получкою товара или поджидаетъ товарищей съ издѣліями. Она странствовала по преимуществу по большимъ селамъ и мѣстечкамъ. Сначала она мало обращала вниманія на то, съ какими людьми ей придется имѣть дѣло, и поселилась какъ разъ въ средѣ, наименѣе

благопріятной для пропаганды. Она устроилась на окраинѣ огромнаго села Бѣлозерья, гдѣ ютились убогія хатки, населенныя отставными солдатами, бывшими дворовыми, бобылями и самыми бѣдными хозяевами, обладавшими душевыми надѣлами земли. Каждый членъ этого муравейника находился все время подъ страхомъ: старики и дѣти всегда трепетали, какъ бы сторожевой казакъ не изловилъ ихъ въ казенномъ лѣсу, откуда они таскали валежникъ, бабы и дѣвки только и думали о томъ, какъ бы встать раньше одна другой, чтобы первой захватить появившіеся за ночь грибы или ягоды и т. д. Но пуще всего боялись всѣ обитатели «песочковъ»—нашествія сборщика податей.

Изъ села съ вышеописанными патріархальными порядками Брешко-Брешковская перебралась въ большое мѣстечко, вѣроятно, въ Смѣлу, гдѣ поселилась между русскими переселенцами, которые почти всѣ работали на заводахъ.

Вскорѣ она получила письма, предупреждавшія ее, что ея пребываніе въ фабричномъ мѣстечкѣ извѣстно жандармамъ, и что ее уже рѣшено арестовать, а потому ей пришлось покинуть немедленно эту мѣстность, гдѣ она прожила около мѣсяца, и отправиться дальше въ Чигиринъ, гдѣ она прожила нѣсколько дней въ ожиданіи важныхъ писемъ. Оказалось, что здѣсь ей дѣлать нечего, такъ какъ спеціальное занятіе мѣстнаго мужского населенія составляли земляныя работы, на которыя они отправлялись въ разные концы Россіи. Въ городѣ оставались почти однѣ только женщины. Здѣсь Брешко-Брешковская собрала свѣдѣнія про знаменитый Чигиринскій бунтъ, обратившій уже на себя вниманіе Дебогорій-Мокріевича, Стефановича и другихъ членовъ «коммуны».

V.

Сектантъ и нигилистка. — Диспутъ. — Среди штундистовъ.—Главарь сектантовъ.—Женское сердце.—Встрѣча со становымъ. — Обыскъ и арестъ. — Пропаганда въ тюрьмѣ. — Скитанія по темницамъ. — Судъ и ссылка.

Въ концѣ второго или въ началѣ третьяго мѣсяца своихъ скитаній Брешко-Брешковская отправилась въ одно село на югѣ Россіи, гдѣ проживали послѣдователи одной вновь появившейся только секты (штунды?) Она слышала много хорошаго объ этой сектѣ. Даже тѣ изъ крестьянъ, которые относились неблагосклонно къ новому ученію, отдавали справедливость сектантамъ, признавая ихъ людьми трудолюбивыми, трезвыми и готовыми помочь своему ближнему. Отправившись въ это село, Брешко-Брешковская остановилась въ хатѣ православнаго мужика, желая узнать предварительно нѣкоторыя подробности про сектантовъ.

— Да вотъ — сказалъ ей хозяинъ, — рядомъ со мною живетъ ихъ вѣры человѣкъ и одинъ изъ самыхъ завзятыхъ «ревнителей». Мужикъ онъ и честный, и работящій, только вѣру свою очень любитъ. Какъ увидитъ свѣжаго человѣка, такъ онъ ему и день, и ночь будетъ говорить о ней и все на свою сторону переманиваетъ.

На слѣдующее утро Брешко-Брешковская взя-

на свое вышиваніе и отправилась на указанный дворъ. Сектантъ Степанъ вѣялъ хлѣбъ посреди своего двора. Кругомъ было тихо, потому что вся семья ушла на работу въ поле. Брешко-Брешковская поздоровалась и, ничего не говоря хозяину, сѣла на солому и принялась преспокойно за свое вышиваніе. Сектантъ довѣялъ кучу зеренъ, молча прибралъ дворъ, подошелъ къ своей гостьѣ и сказалъ:

— Здравствуй, сестра.

— Здравствуй, братъ, — отвѣтила Брешко-Брешковская.

Такъ завязалось знакомство. Добродушный хохолъ объявилъ своей гостьѣ, что онъ сразу понялъ, что она — человѣкъ, ищущій истины, и что онъ радъ душевно, что можетъ подѣлиться съ нею. Затѣмъ онъ повелъ ее въ хату, гдѣ сталъ разсказывать про притѣсненія, которымъ подвергалась ихъ вѣра, какъ били и сѣкли его самого и другихъ братьевъ за нежеланіе вернуться къ православной вѣрѣ, какъ всѣ испытанныя ими страданія не только не привели ихъ въ уныніе, но, напротивъ, укрѣпили ихъ духовныя силы, и они еще усерднѣе стали проповѣдывать и распространять свое ученіе.

— Мы и школу выстроили, — разсказывалъ Степанъ,— чтобы воспитать нашихъ дѣтей, сдѣлать ихъ грамотными, чтобы они сами читали слово Божіе и понимали больше насъ. Но школу нашу закрыли, и она стоитъ пустая съ заколоченными дверьми и окнами, а дѣти наши растутъ безграмотными. Намъ не позволяютъ собираться по нѣсколько человѣкъ въ одну хату и запрещаютъ пѣть божественные псалмы. Не позволяютъ читать молитвы надъ покойниками и новорожденными. Брата Ивана посадили какъ-то въ тюрьму, держали болѣе года и выпустили

только тогда, когда мы внесли слѣдователю 500 руб.

Въ заключеніе сектантъ вынулъ изъ сундука Евангеліе и нѣсколько азбучекъ. Узнавъ, что Брешко-Брешковская грамотная, онъ заставилъ ее читать разныя мѣста изъ Евангелія (самъ онъ не былъ силенъ въ грамотѣ) и сталъ толковать ихъ съ большимъ жаромъ. Когда онъ нѣсколько успокоился, начала говорить въ свою очередь Брешко-Брешковская. Она стала доказывать ему, что не однимъ сектантамъ, а всему народу живется скверно до безобразія, что положеніе сектантовъ еще сравнительно нѣсколько лучше, чѣмъ остальныхъ крестьянъ, такъ какъ у нихъ существуетъ нѣкоторая сплоченность, единодушіе, которое побуждаетъ ихъ помогать другъ другу, тогда какъ крестьяне вообще предоставлены каждый самому себѣ и въ одиночку не могутъ справиться даже съ самою незначительною невзгодою. Брешко-Брешковская говорила своему слушателю, что гоненія и преслѣдованія, которымъ подвергаются сектанты со стороны начальства, это только отголосокъ общаго строя настоящаго порядка вещей, который гнететъ и давитъ все непривилегированное и трудящееся, она повѣствовала и про средства, которыми народъ можетъ освободиться отъ своихъ тирановъ.

Сектантъ слушалъ внимательно новыя рѣчи и сталъ приводить цитаты изъ Евангелія, разбивающія положенія Брешко-Брешковской, но и она «не ударила лицомъ въ грязь» и стала побивать его его же собственнымъ оружіемъ и приводить изъ Евангелія и «Апостоловъ» мѣста, подтверждающія ея положенія. Преданіе умалчиваетъ, обнаружила-ли она достаточную начитанность въ Священномъ Писаніи, но разсужденія, которыми она старалась убѣдить сектанта, не отличались особенною силою, если судить по слѣ-

дующему отрывку изъ этого знаменитаго диспута сектанта съ нигилисткой: «Христосъ велѣлъ положить душу свою за брата своего, а мы допускаемъ враговъ нашихъ издѣваться надъ нашими братьями и пальцъ о пальцъ не ударимъ для того, чтобы избавить ихъ отъ страданій».

Впрочемъ, Брешко-Брешковская и сектантъ разстались большими друзьями. Онъ обѣщалъ ей собрать на слѣдующій день къ ночи сходку, пригласивъ самыхъ ревностныхъ и надежныхъ сектантовъ для обсужденія вопроса, не согласятся-ли они принять участье въ народномъ дѣлѣ и вступить въ открытую борьбу съ правительствомъ. Не дожидаясь вечера, сектантъ не вытерпѣлъ, пригласилъ къ себѣ Брешко-Брешковскую, познакомилъ ее со своею женою и снова вступилъ съ нею въ диспутъ. Долго препирались они, и, наконецъ, Степанъ сказалъ своей гостьѣ:

— Сестра, я не знаю тебя, я не знаю даже, дѣйствительно-ли ты — сестра, или нѣтъ, но вчера, когда ты мнѣ говорила, я принялъ тебя за царицу или за цареву дочку.

— Почему это, братъ?

— Потому что въ Библіи сказано, что хула на царя и власть впервые изыдетъ изъ ихъ же рода.

— Да, братъ, но хула на князей и на сильныхъ міра сего давно уже произнесена Христомъ, который самъ былъ царскаго рода, а мы, какъ послѣдователи его, только продолжаемъ то, что онъ началъ, — сказала нигилистка.

Повидимому, и пропагандистъ, и пропагандистка не теряли надежды обратить другъ друга въ свою вѣру. Сектантъ думалъ по всей вѣроятности: «хотя она еще окончательно не пребываетъ во Христѣ, все же есть много основаній надѣяться, что изъ нея можно сдѣлать усердную слугу и поборницу ученія Христа». Брешко-Брешк-

ковская думала: «если онъ такъ живо и искренно вѣритъ и любитъ, то непремѣнно приложитъ свои чувства къ дѣлу и отдастъ на активную борьбу со зломъ».

Насталъ вечеръ. Къ 11 часамъ стали собираться «братья» и «сестры». Хата наполнилась. Степанъ сообщилъ собранію, что прибылъ человѣкъ, который желаетъ познакомиться и сойтись съ братьями. Тутъ Брешко-Брешковская къ своему удивленію замѣтила, что существуетъ большое сходство между сектантами и кружками, къ которымъ она принадлежала. Какъ въ соціально-революціонныхъ кружкахъ съ радостью встрѣчали каждаго, въ комъ чаяли найти поборника излюбленной идеи, такъ и сектанты спѣшатъ съ привѣтомъ къ каждому, въ комъ замѣчаютъ способность или желаніе усвоить ихъ понятія и вѣрованія.

Одно только непріятно поражало нигилистку у сектантовъ: ихъ большая сдержанность, монашескій отпечатокъ на всѣхъ, хотя секта не признавала ни постовъ, ни брачной жизни.

Брешко-Брешковская сообщила собранію, въ чемъ заключается ея символъ вѣры и какія средства она считаетъ наилучшими, наиболѣе цѣлесообразными для проведенія въ жизнь ея убѣжденій.

— Положимъ души наши за братьевъ нашихъ,—говорила она,—умремъ въ борьбѣ за угнетаемый народъ, завѣщаемъ эту борьбу и дѣтямъ нашимъ, и пусть она продолжается до тѣхъ поръ, пока народъ не добудетъ своихъ человѣческихъ правъ на землю, равенство и самоуправленіе.

Сектанты сначала пробовали возражать пропагандисткѣ словами Священнаго Писанія, но мало-по-малу чувство взяло вверхъ. Хохлы вспомнили всѣ обиды, угнетеніе ихъ вѣры, преслѣдо-

ванія, и сами стали доказывать другъ другу, что вооружаться для защиты притѣсняемаго ближняго нисколько не противорѣчитъ ученію Христа, Который заповѣдалъ намъ выражать свою любовь къ несчастнымъ не словомъ, а дѣломъ. Долго за полночь затянулась сходка, и пропагандистка ушла домой въ той увѣренности, что вечеръ не потерянъ ею даромъ.

Оказалось, что въ томъ селѣ жилъ «ватажка» сектантовъ, Иванъ, человѣкъ, пострадавшій уже за свои убѣжденія, знатокъ Священнаго Писанія, пользовавшійся большимъ авторитетомъ среди своихъ односельчанъ и игравшій роль ихъ предводителя. Въ моментъ появленія на селѣ Брешко-Брешковской его не было дома, онъ ѣздилъ куда-то по дѣламъ, но возвратился какъ разъ на слѣдующій день послѣ вышеописанной сходки. Въ тотъ же вечеръ было назначено второе собраніе, происходившее тоже у Степана. Собрались сектанты, явилась и пропагандистка. Ее встрѣтили радушно, но въ сравненіи съ первымъ вечеромъ замѣчалась нѣкоторая перемѣна. Сектанты были молчаливѣе, сдержаннѣе.

Наконецъ, дверь открылась, и на порогѣ появился «ватажка», въ сопровожденіи нѣсколькихъ братьевъ, составлявшихъ его свиту. Это былъ мужчина средняго роста, разжирѣвшій и одѣтый, какъ купецъ, съ заплывшимъ краснымъ лицомъ и наружностью провинціальнаго «кулака». Онъ безцеремонно подошелъ къ Брешко-Брешковской, сталъ ее разсматривать съ видомъ слѣдователя, послѣ чего приступилъ къ формальному допросу:

— Откуда? Куда? Зачѣмъ? Какъ зовутъ? Сколько лѣтъ? Сорокъ?.. Странно, по лицу не видно...

— Да что вы меня допрашиваете?—сказала

Брешко-Брешковская,—у меня есть паспортъ. Если хотите, могу показать.

— А, есть паспортъ?—переспросилъ Иванъ, усаживаясь.

— Такъ вы говорите, что земля должна принадлежать всѣмъ поровну, и что народъ долженъ добиваться своихъ правъ силою? — продолжалъ онъ.

—Да, я говорю это,—сказала пропагандистка и начала излагать свои доводы.

— Да гдѣ же мнѣ съ вами спорить,—остановилъ ее сектантъ съ ироніей, покрываемой напускной скромностью, — вы русская, значитъ, образованная, а я хохолъ непросвѣщенный... Ничего не понимаю...

Тутъ на сцену выступили два грамотныхъ сектанта. Одинъ изъ нихъ присутствовалъ и наканунѣ и возражалъ пропагандисткѣ, другой явился вмѣстѣ съ Иваномъ. Это былъ молодой человѣкъ, хваставшійся знаніемъ Новаго Завѣта и цитировавшій постоянно то тѣ, то другія мѣста. «Батажка» посматривалъ любовно на своего ученика, и присутствовавшимъ доставляло большое удовольствіе, что въ средѣ ихъ оказался такой умный и ученый человѣкъ.

Когда дошла очередь до Брешко-Брешковской, то и она начала приводить изреченія изъ «Священнаго Писанія», подтверждавшія ея доводы. На это начетчикъ замѣтилъ ей, что «женамъ» не подобаетъ вступать въ споръ въ общественныхъ мѣстахъ. На это Брешко-Брешковская возразила, что, можетъ быть, ихъ обычаи не дозволяютъ женщинамъ возвышать голоса, но что въ ея мѣстахъ такого обычая нѣтъ, и она привыкла говорить въ собраніяхъ и считаетъ себя въ правѣ говорить и здѣсь.

Она опять попробовала нарисовать присутствовавшимъ картину бѣдственнаго положенія на-

рода, говорила о неизбѣжности радикальныхъ переворотовъ, которые одни могутъ вывести народъ изъ нищеты и невѣжества. Сектанты охали, вздыхали, взывали ко Христу, но «ватажка» былъ неуязвимъ.

— Что же дѣлать?—сказалъ онъ,—на то воля Божья, а мы должны молиться и скорбѣть, ибо за грѣхи наши Господь наказываетъ насъ.

— Да,—согласилось собраніе,—молиться будемъ, авось Господь и помилуетъ, а самимъ какъ можно сопротивляться?! Если Господь послалъ страданія, то смиряйся и неси свой крестъ.

Иванъ боялся, чтобы незнакомка не заразила его паствы, и спѣшилъ кончить разговоръ.

— Если бы я не понималъ, какъ должно, Евангеліе,—сказалъ онъ,—я сейчасъ бы донесъ на васъ становому.

— Этимъ бы вы меня нисколько не удивили,—возразила Брешко-Брешковская,—доносчиковъ у правительства много, и ихъ можно встрѣтить всюду.

Поднялось нѣсколько человѣкъ.

— Зачѣмъ же,—говорили они,—какъ можно доносить? Вѣдь она не за себя хлопочетъ, а за весь народъ!.. Она, жалѣючи народъ, такъ говоритъ.

Все собраніе чувствовало себя неловко, даже Иванъ замялся. Кто-то предложилъ спѣть, и всѣ сектанты затянули псалмъ по нѣмецкому напѣву, послѣ чего всѣ попрощались и разошлись.

Послѣ второй сходки Брешко-Брешковская убѣдилась, что ей оставаться здѣсь больше нечего. Сектанты находились всецѣло подъ вліяніемъ Ивана, который добивался всѣми силами узаконенія своей секты и для этого ѣздилъ даже хлопотать въ Петербургъ. Она поняла, что «ватажка» не рѣшится ни на одинъ шагъ, могущій возбудить противъ него неудовольствіе правитель-

ства, не только на какія-нибудь рѣшительныя мѣры борьбы. Даже Степанъ, хотя по-прежнему относился привѣтливо къ Брешко-Брешковской, но, тѣмъ не менѣе, былъ всецѣло на сторонѣ Ивана. Пропагандистка рѣшила оставить село. Сектанты вывели ее тайными проселками за село, Степанъ прочелъ молитву, въ которой призывалъ благословеніе Божіе на загадочную гостью, и Брешко-Брешковская двинулась въ путь-дорогу.

Спустя нѣсколько недѣль она опять поселилась въ большомъ торговомъ мѣстечкѣ, Тульчинѣ, Подольской губерніи. Узнавъ, что недалеко находится село, извѣстное духомъ протеста своихъ жителей, она собралась туда, какъ вдругъ ее окликнулъ ѣхавшій на улицѣ становой и сталъ разспрашивать: кто она, откуда, есть-ли паспортъ? У Брешко-Брешковской не было съ собою вида, такъ какъ она оставила его у хозяина своей квартиры, который почему-то пожелалъ взять къ себѣ ея паспортъ, о чемъ и сообщила начальству.

— Садись на козлы!—скомандовалъ становой и повезъ странницу прямо къ крестьянину, у котораго она остановилась. Хозяинъ, простодушный и глуповатый хохолъ, страшно перепугался, съ трепетомъ досталъ паспортъ Брешко-Брешковской изъ сундука и передалъ его становому. Послѣдній принялся экзаменовать странницу: глядя въ паспортъ, онъ спрашивалъ, какъ зовутъ ее деревню, волость, старшину и писаря, выдававшихъ паспортъ, замѣтилъ, что быть не можетъ, чтобы ей было сорокъ лѣтъ, и въ заключеніе потребовалъ ея вещи.

Оказалось, что послѣднія были причиною визита станового. Уходя изъ дому, Брешко-Брешковская оставила свою котомку, въ которой были карты генеральнаго штаба, прокламаціи и т. д.

По опыту ей было извѣстно, что крестьяне относятся настолько деликатно къ квартиронанимателямъ, что никогда даже не притрогиваются къ вещамъ своихъ жильцовъ. Поэтому она не принимала никакихъ мѣръ предосторожности и оставляла свою котомку въ общей хатѣ. На этотъ разъ оказалось, что у ея хозяевъ была «наймычка» (батрачка), которою они были крайне недовольны и собирались даже разсчитать ее. Это была испорченная дѣвушка, избалованная близостью городской жизни и не признававшая правилъ деревенской жизни. Въ отсутствіе хозяевъ она ухитрилась разсмотрѣть все, что находилось въ мѣшкѣ странницы. Оказалось, что въ тотъ же день она отправилась на работу на огородъ къ становому и разболтала тамъ, что у ея хозяина остановилась странная русская женщина, у которой въ котомкѣ находились какія-то особенныя бумаги. Вѣроятно, ее поразили карты.

Производя обыскъ у Брешко-Брешковской и дойдя до послѣднихъ, становой вспыхнулъ и вскочилъ отъ радости. Вслѣдъ за картами онъ досталъ изъ котомки прокламаціи и понялъ уже, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Онъ сразу перемѣнилъ тонъ, сталъ говорить арестованной «вы» и обращаться съ нею утонченно-вѣжливо. Чѣмъ безнадежнѣе становилось ея положеніе, тѣмъ большій задоръ овладѣвалъ арестованной. Она отказалась давать отвѣты на вопросы станового, преспокойно усѣлась и стала ѣсть яблоки.

Позвали понятыхъ, женщинъ, которыя обыскали пропагандистку, къ ней приставили караульныхъ; толпа любопытныхъ собралась на дворѣ. Становой съ толкомъ и съ чувствомъ сталъ читать прокламаціи.

— Что-жъ, бумаги очень хорошія,—сказалъ одинъ старикъ, когда становой отлучился на минуту,—и чего же лучше, какъ чтобы вся земля

поровну и чтобы господъ, поповъ и «кулаковъ» долой!.. Одно только нехорошо: зачѣмъ сказано, что царя не надо? Какъ же такъ можно, чтобы совсѣмъ безъ царя? Кто же управлять-то станетъ?

Начались мытарства бѣдной пропагандистки. Явился слѣдователь. Къ вечеру пріѣхалъ и исправникъ. Въ полночь Брешко-Брешковскую отвезли въ арестантскую и поставили въ сторожа къ ней цѣлую толпу крестьянъ. Впрочемъ, сторожа не отходили отъ огня и все разспрашивали узницу, какъ и за что арестовали ее? Та не стѣснялась и подробно передавала своей аудиторіи содержаніе задержанныхъ у нея «грамотъ». Три дня сидѣла она въ тульчинецкомъ арестѣ. Каждый день на смѣну одной толпы стражей являлась другая, и узница сообщала и ей содержаніе своихъ прокламацій. Наконецъ, нашлось двое крестьянъ, которые донесли по начальству, что арестованная, сидя въ тюрьмѣ, бунтуетъ народъ.

Оказалось впослѣдствіи, что въ Кіевѣ былъ случайно арестованъ предсѣдатель кружка «чайковцевъ», Лурье. Онъ служилъ посредникомъ между пропагандистами, ушедшими въ народъ, и при его посредствѣ Брешко-Брешковская переписывалась со своими друзьями. Въ бумагахъ Лурье были найдены подробныя указанія мѣста, гдѣ жила въ ту минуту Брешко-Брешковская, проживавшая по подложному паспорту на имя Феклы Косовой. Немедленно изъ Кіева выѣхали жандармы арестовать пропагандистку, и почти одновременно съ ними выѣхалъ Стефановичъ, съ цѣлью разыскать и предупредить ее, но ни онъ, ни жандармы не нашли Брешковской. Она уже успѣла уйти въ Тульчинъ, гдѣ все-таки не избѣжала судьбы...

Какъ видно изъ обвинительнаго акта, Брешко-

Брешковская была задержана въ Тульчинѣ 24-го сентября 1874 года. При обыскѣ при ней оказался, между прочимъ, и порошокъ морфія. Находясь подъ стражей, она дала одному изъ сторожившихъ ее крестьянъ два рубля и просила отправить слѣдующую телеграмму: «Кіевъ, Фундуклеевская, домъ Харламова, Жміевской. Сынъ заболѣлъ, не пріѣзжай. Катерина Коренная». На условномъ языкѣ это обозначало: «Стефановичъ, я арестована, не пріѣзжай».

Крестьянинъ передалъ бумажку тысяцкому, а этотъ послѣдній—исправнику. Тотъ заволновался и полетѣлъ съ телеграммою въ Кіевъ къ генералъ-губернатору, гдѣ надѣлалъ столько шуму, что содержаніе ея стало извѣстно всѣмъ и каждому и косвеннымъ образомъ дошло до адресата.

Брешко-Брешковскую перевезли въ уѣздный острогъ, куда уже дошли легенды про нее. Народъ говорилъ, что арестована не простая баба, но великая княгиня или сама царица. При ней, гласила молва, найдены грамоты, въ которыхъ обозначены «проходы во всѣ страны міра». Арестанты встрѣтили узницу съ почетомъ. Волостной старшина, сидѣвшій въ острогѣ за превышеніе власти, просилъ ее распорядиться со временемъ, чтобы его отпустили на свободу. Хотя узница помѣщалась въ отдѣльной камерѣ, къ дверямъ которой поставили солдата, это нисколько не устрашило арестантовъ; они все обращались къ ней: одни просили похлопотать за нихъ, другіе спрашивали у нея совѣта.

Грязь, зловоніе, вши были удѣломъ узницы. Въ камерѣ было до того холодно, что вода замерзала въ кружкѣ. Такъ какъ она упорно отказывалась назвать себя, то судебныя власти пускались на различныя хитрости. Такъ, однажды прокуроръ далъ какому-то арестанту три рубля и подговорилъ его попросить

арестованную, чтобы она написала ему письмо. Этимъ путемъ прокуроръ надѣялся уличить Брешко-Брешковскую въ томъ, что она грамотная. Въ другой разъ она замѣтила слѣдователя, подслушивавшаго подъ дверями камеры въ то время, какъ она бесѣдовала съ приставленными къ ней сторожами и по обыкновенію говорила имъ, что она посажена подъ арестъ за народъ, для котораго разносила грамоты, желая его избавить отъ преслѣдованій начальства, что народу слѣдовало бы возстать съ оружіемъ въ рукахъ, что справиться съ солдатами не такъ трудно, какъ кажется, такъ какъ ихъ сравнительно съ народомъ ничтожное количество, что было время, когда народъ правилъ и жилъ лучше, чѣмъ теперь. Всѣ эти рѣчи были тщательно записаны и попали въ обвинительный актъ.

Въ концѣ-концовъ, Брешко-Брешковская была вынуждена назвать себя. Она признала себя виновною въ революціонной пропагандѣ съ цѣлью возбужденія народа къ возстанію для ниспроверженія существующаго государственнаго строя. Изъ Кіевской тюрьмы она была перевезена въ Петербургъ. 23-го января 1878 года, въ качествѣ одной изъ обвиняемыхъ по дѣлу «193-хъ», Брешко-Брешковская была приговорена къ пятилѣтнимъ каторжнымъ работамъ въ крѣпостяхъ.

ИСТОЧНИКИ.

Вл. Дебогорій-Мокріевичъ. — «Воспоминанія». Петербургъ, 1906.

Б. Базилевскій (В. Богучарскій). — «Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ». «Процессъ 193-хъ». Петербургъ, 1907.

Вл. Бурцевъ.—«За сто лѣтъ». Лондонъ, 1897.

С. Степнякъ.—«Подпольная Россія». Петербургъ, 1906.

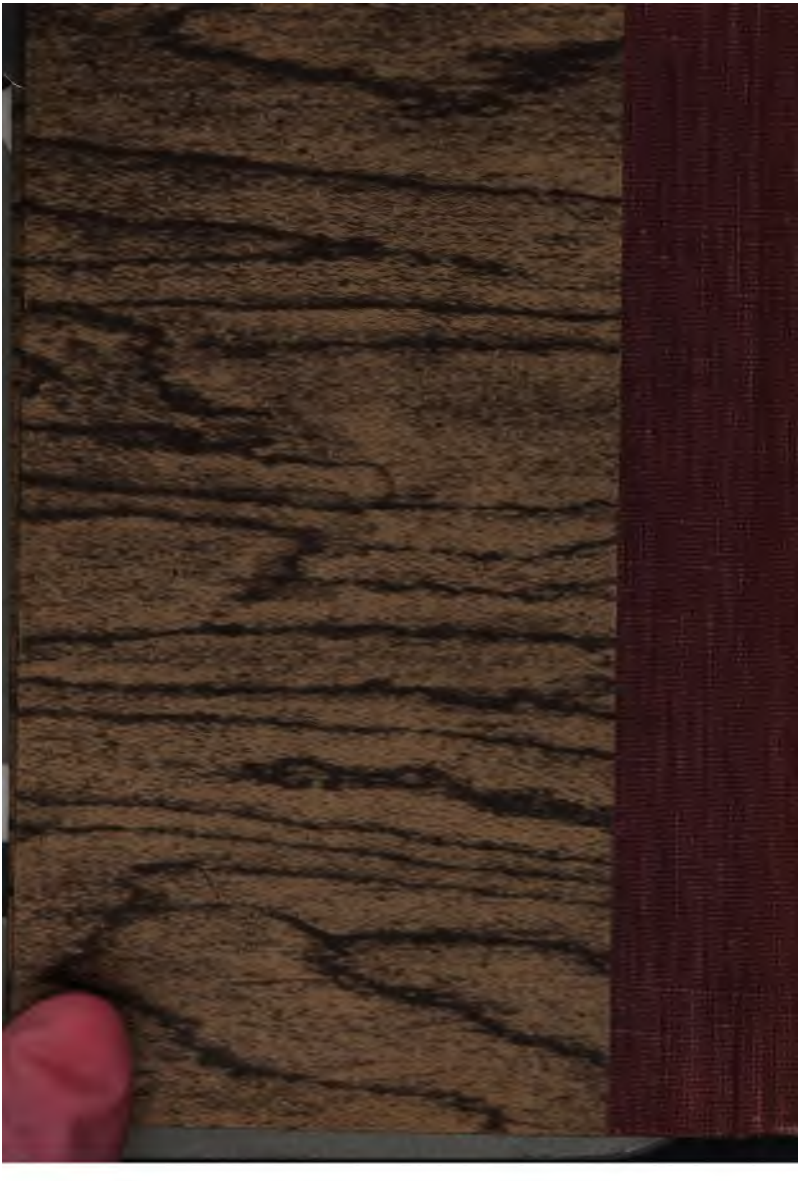
А. Тунъ.—«Исторія революціоннаго движенія въ Россіи». Примѣчанія Шишко. Петербургъ, 1906.

Брешко-Брешковская. — «Воспоминанія пропагандистки», «Русская историческая библіотека», № 5.

DK 254 .D42 D4 C.1
Debogorii-Mokrievich.
Stanford University Libraries
3 6105 035 495 238
DK 254 D42D

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

DEC 1 1 1996
JAN 10 1997